У 486/172

О ЕСТЕСТВЕННОМЪ

БЛАГОЧЕСТІИ,

ИЛИ

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ

КЪ

БОГУ,

ПО УЧЕНІЮ РАЗУМА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 8-го Іюня 1839 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

13237-64

2007113224

Въ типографіи Н. Греча.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣленіе I. Предварительныя (пропедевтическія) обязанности, или Богопознаніе.

Стр.

§ 1 О равнодушіи къ религіи религіозный индифферентизмъ 1

§ 2. О безбожіи 9

§ 3. О пантеизмѣ (всебожіи) 17

§ 4. О сомнѣніи въ предметахъ религіи 25

Отдѣленіе II Непосредственныя обязанности благочестія.

§ 5. Обязанность всегда размышлять о Богѣ 30

§ 6. Благоговѣніе къ Богу 38

§ 7. О клятвѣ 43

§ 8. О роптѣ на Провидѣніе и злоупотребленіи именемъ Божіимъ 41

§ 9. О клятвопреступленіи и богохульствѣ 50

§ 10. О любви къ Богу 53

§ 11. О молитвѣ 65

§ 12. О довольствѣ дарами Божіими, и надеждѣ на Бога 79

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ КЪ БОГУ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Предварительныя (пропедевтическія) обязанности, или Богопознаніе.

§ 1.

О равнодушіи къ религіи (религіозный индифферентизмъ.)

Главнѣйшая изъ предварительныхъ обязанностей благочестія состоитъ въ томъ, чтобы мы старались избѣгать равнодушія къ религіи, то есть: къ величію и достоинству понятій, внушаемыхъ намъ природою о Божествѣ. Это равнодушіе происходитъ отъ недѣятельности ума, отъ разсѣянности, отъ недостатка размышленія о себѣ самихъ, иногда отъ злоупотребленія разума, но чаще всего

отъ нечувствительности сердца, упоающаго въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Такое состояніе унижаетъ нашъ духъ, разстроиваетъ характеръ, ведетъ насъ къ порочному житію, и разрушаетъ наше счастіе въ продолженіе жизни, особливо при смерти.

Еще Эпиктетъ училъ, что благочестіе требуетъ, чтобы мы имѣли правильное понятіе о Богѣ, и Его свойствахъ (*Κυριώτα τον τῆς ἐυσεβάας ὄρθας ἀπολήψας περὶ θεῶν ἔχειν, ὡς ὄντων.* Enchiridior, c, 39.) Гораздо опредѣленнѣе говоритъ Сенека, что первое Богопочитаніе состоитъ въ вѣрѣ въ Бога (Primus est deorum cultus, credere Deos. Epist 94). И такъ вѣра въ Бога и правильное понятіе о Его свойствахъ, составляютъ то, что здѣсь называется *приготовительными* (пропедевтическими), или *предварительными* обязанностями благочестія. При изслѣдованіи ихъ разсматриваются: равнодушіе къ религіи, безбожіе, пантеизмъ, суевѣріе и фанатизмъ, по мѣрѣ отношенія сихъ пороковъ къ нравственной святости воли. *Настоящія*, или *непосредственныя* обязанности благочестія суть тѣ, кои означаютъ опредѣленное стремленіе духа къ живому Богу, какъ открывается Онъ природою нашему вѣдѣнію.

Равнодушіе ко всему божественному въ міроправленіи, предполагаетъ въ человѣкѣ возможность познанія сихъ предметовъ, и отлично отъ

неумышленнаго невѣдѣнія. Оно состоитъ въ свободной, умышленной холодности, и бываетъ слѣдствіемъ нашихъ изслѣдованій, а часто плодомъ гордаго и умышленнаго отвращенія ко всякому благочестію. Оно бываетъ или теоретическое, т. е. сцептицизмъ, сомнѣніе о истинѣ божественной идеи вообще, или практическое, утверждающее, что вѣра въ Бога не имѣетъ ни какого вліянія на нравственность, и что слѣдовательно можно быть благочестивымъ и добродѣтельнымъ безъ религіи. Кантъ, абсолютнымъ правиломъ практическаго разума, распространилъ это мнѣніе, и, пока господствовала его Нравственная Философія, много способствовалъ равнодушію къ религіи. Равнодушіе къ религіи происходитъ: 1) отъ обыкновенной недѣятельности ума. Многіе думаютъ только о томъ, что видятъ; не считаютъ истиннымъ того, чего не видятъ и не чувствуютъ; не заботятся о томъ, имѣетъ ли міръ начало, или нѣтъ. Они подобны животнымъ, довольствующимся одними чувственными движеніями. 2) Оно проистекаетъ изъ разсѣянности духа, если человѣкъ, непрестанно преданный чувственнымъ удовольствіямъ, слишкомъ занятый земными предметами, или увлеченный своими пожеланіями и склонностями, никогда не входитъ въ самого себя, а потому неясно сознаетъ свою зависимость отъ Бога. Разсѣянный человѣкъ, обыкновенно, такъ глубоко погруженъ во внѣшній міръ, что не замѣчаетъ даже тѣлесныхъ своихъ несовершенствъ, не говоря уже о нравственныхъ.

3) Не рѣдко также злоупотребленіе разума способствуетъ равнодушію къ религіи. Многіе изъ гордости и суетности напрягаютъ способность познавательную къ пустымъ отвлеченностямъ до тѣхъ поръ, пока въ умѣ ихъ послѣдняя форма истины не совпадетъ съ послѣднимъ основаніемъ вещей. Міръ, со всѣми его явленіями, есть для нихъ только видоизмѣненіе ихъ творческаго мышленія. 4) Но обыкновенная причина равнодушія къ религіи, есть неспособность чувственнаго сердца къ ощущенію высокаго и божественнаго. Въ дѣлахъ Вѣры разумъ руководится сердцемъ; чего мы желаемъ, тому вѣримъ, а что намъ противно, отъ того отвращаемъ свою мысль, умозрѣніе и вѣру. Человѣку, преданному земнымъ удовольствіямъ, міръ невидимый и непреходящій не причиняетъ ни какой радости, потому что для него этотъ міръ слишкомъ важенъ, слишкомъ святъ и возвышенъ. Послѣ этого легко себѣ представить, сколь недостойно нравственнаго существа равнодушіе въ Вѣрѣ.

1.) Оно *унижаетъ нашъ разумъ и удаляетъ его отъ основательнаго познанія истины.* Если бы разумъ нашъ зависѣлъ только отъ того, что мы видимъ и чувствуемъ, то животныя были бы гораздо умнѣе насъ. Но существо разума состоитъ не въ грубомъ осязаніи и чувствованіи, а въ изслѣдованіи связи вещей, по ихъ началамъ и цѣлямъ. Цѣли вещей, заключаются не въ насъ самихъ, потому что мы слабы и смертны. Мы не находимъ ихъ и въ физическомъ мірѣ, потому

что всякая перемѣна годовыхъ временъ, всякое движеніе стихій міра, говорятъ намъ, что онѣ зависятъ отъ нѣкоего высшаго движителя. Посему истина возможна для насъ только тогда, когда мы допустимъ Существо Высшее и Божественный Умъ, управляющій міромъ. И такъ истинный разумъ и мудрость мы находимъ только въ Богѣ, коимъ живемъ и дѣйствуемъ. Равнодушіе къ религіи унижаетъ духъ человѣка, потому что удаляетъ его отъ источника всякаго свѣта и всякой истины.

2.) Равнодушіе къ религіи *уничтожаетъ въ человѣкѣ нравственный характеръ.* Кто равнодушенъ ко всему божественному, тотъ равнодушенъ и къ своему высочайшему благу. Онъ никогда не можетъ стремиться къ постоянному совершенству или достоинству, потому что оно заключается только въ Богѣ и достигается только Его помощію. А кто не стремится къ высочайшему и совершеннѣйшему, тотъ предается суетному и преходящему, слѣдуетъ низкой перемѣнчивой наклонности къ чувственнымъ удовольствіямъ, тотъ, подобно животнымъ, зависитъ отъ слѣпыхъ побужденій своихъ желаній и похотей; въ немъ нѣтъ ни благородства мыслей и чувствъ, ни чистой небесной любви, нѣтъ даже твердости и постоянства воли, чтобы чтить права другаго. Кто не имѣетъ чести, тотъ потерянъ для всякой добродѣтели.

3.) Такимъ образомъ *пороки находятъ путь въ неохраненное святилище души равнодушнаго*

къ религіи. Нравственныя правила безъ вѣры въ Бога, составляютъ слабый оплотъ противъ пожеланій и страстей, всегда съ новою силою возстающихъ противъ человѣка; слѣдуетъ только разрушиться этому оплоту, и тогда собственный нашъ разсудокъ будетъ сперва извинять насъ въ преступленіяхъ, потомъ позволять ихъ, наконецъ одобрять и защищать. Исторія и опытъ представляютъ намъ много такихъ людей, которые сперва оказывали одно только равнодушіе и холодность къ религіи, а послѣ очернили себя великими злодѣяніями.

4.) Наконецъ, равнодушіемъ къ религіи, нарушается *счастіе человѣка во время его жизни и при смерти.* Человѣкъ, равнодушный къ религіи, долженъ отказаться отъ высочайшаго удовольствія, чувствуемаго при открытіи истины, отъ глубокаго и мудраго созерцанія міра, отъ общенія съ Богомъ и согласія съ собственнымъ умомъ, и даже отъ внутренняго міра въ своей совѣсти; онъ теряетъ мужество въ предпріятіяхъ, теряетъ власть надъ самимъ собою во время печали, а въ тяжкихъ страданіяхъ лишается надежды и опоры. Онъ совершенно неспособенъ къ искренней и благородной дружбѣ; потому что, въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, ни самъ ни сколько не довѣряетъ другимъ, ни къ самому себѣ не внушаетъ имъ довѣренности. Неудивительно, если такой человѣкъ оканчиваетъ безславную свою жизнь съ безпокойствомъ, сомнѣніемъ и безнадежностію.

Важнѣйшія и дѣйствительнѣйшія изъ *предохранительныхъ средствъ* противъ сей душевной болѣзни, суть слѣдующія правила:

1.) *Доискивайся со всѣмъ тщаніемъ послѣдней причины всѣхъ вещей, такъ къ тебѣ близкой.* Какъ человѣкъ, одаренный разумомъ, ты не прежде можешь остановиться въ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ нашедши такое существо, послѣ котораго ты не имѣлъ бы уже ни какой причины спрашивать самого себя, откуда оно? Очевидно, что внѣшняя природа не есть это существо, ибо ты можешь себѣ представить, что ея никогда не было: равнымъ образомъ ты, и весь твой родъ, не есть это существо, потому что все раждающееся имѣетъ свое начало. Но если ты, за предѣлами времени и пространства, нашелъ первобытное существо, то ты нашелъ въ немъ Существо самое высочайшее и единственное, ты нашелъ Бога, близкаго къ тебѣ въ природѣ, въ твоемъ сердцѣ и совѣсти, въ исторіи и откровеніи, въ твоихъ страданіяхъ и радостяхъ, во всѣхъ перемѣнахъ и надеждахъ твоей жизни. Нѣтъ ни одного человѣка столь безразсуднаго, который не могъ бы найти своего Творца и Владыку; нужно только искреннее желаніе, дабы приблизиться къ Его святилищу.

2.) *Будь согласенъ съ самимъ собою касательно того, чего ты желаешь и чего можешь желать, не противорѣча разуму.* Но ты можешь желать только того, что доставлятъ тебѣ внутреннюю радость и постоянное счастіе. Всѣ

внѣшнія и земныя блага не дають тебѣ этого; чувственныя удовольствія оставять тебя и наполнять сердце твое раскаяніемъ; твои стяжанія сдѣлаются для тебя ничтожными, почести потеряють свою прелесть, какъ скоро ты удостовѣришься въ ихъ непостоянствѣ и суетности. И такъ для тебя ничего не остается кромѣ Бога: Онъ есть свѣтъ для твоего разума, чистота и святость для твоей воли, постоянная радость для твоего сердца. Пусть изсякнутъ всѣ другіе источники наслажденій земной жизни — въ Немъ всегда найдешь ты новое успокоеніе и новое блаженство. Онъ одинъ доставляетъ тебѣ миръ, котораго міръ дать не можетъ.

3.) *Размышляй о томъ кротком и отеческом попеченіи, какое имѣетъ о тебѣ Богъ, являющій безчисленное множество доказательствъ своей благости съ намѣреніемъ пробудить въ тебѣ къ Нему Самому любовь.* Вся наша жизнь есть Божіе благодѣяніе. Нельзя найти ни одного человѣка, котораго Богъ не избавилъ бы отъ опасности и бѣдствія, и для котораго не приготовилъ бы счастія безъ всякой со стороны его заслуги. Только порочное и безчувственное сердце можетъ остаться равнодушнымъ къ Нему и неблагодарнымъ. Но если мы уже жалуемся на облагодѣтельствованныхъ нами, когда они, за наши благодѣянія, платятъ намъ холодностію, то какого наказанія долженъ быть достоинъ тотъ, кто остается неблагодарнымъ къ Высочайшему Благодѣтелю?

4.) *Представь себѣ, какъ бы настоящими, всѣ бѣдствія, неизбѣжно имѣющія тебя постигнуть, если ты все еще остаешься равнодушнымъ къ твоему Отцу и Судіи.* Богъ никого не принуждаетъ къ благочестію; но Онъ отнимаетъ свою руку отъ неблагодарныхъ; Онъ предаетъ ихъ въ жертву ихъ слабостямъ, готовитъ для нихъ удары случаевъ, дабы усмирить и потрясти ихъ сердца. Какъ горько умудряться такими опытами! Съ какою потерею силъ, и съ какими болѣзненными ощущеніями раскаянія обыкновенно это происходитъ! И кто знаетъ, не падетъ ли еще человѣкъ подъ тяжестію такого испытанія?

§ 2.

О безбожіи.

Еще болѣе противорѣчитъ благочестію *безбожіе*, по которому человѣкъ *мыслитъ и дѣйствуетъ безъ вѣры въ Бога.* Умственное разстройство, чрезмѣрное напряженіе разсудка, гордость и порочное сердце суть его *источники.* Никто не усумнится, что это состояніе совершенно *недостойно* человѣка, если только замѣтитъ, какъ оно не твердо въ своихъ основаніяхъ, къ какому ведетъ суевѣрію, какъ мно-

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР

го вредитъ нравственности и душевному спокойствію. Изъ средствъ противъ сего заблужденія, преимущественно могутъ быть одобрены: разсудительность, смиреніе, свобода сердца отъ сильныхъ страстей, и пробужденіе въ себѣ чувства зависимости отъ нѣкоторой высшей силы.

Такъ какъ ни одинъ разсудительный человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ послѣдней причинѣ всѣхъ вещей, то невѣроятнымъ кажется, чтобы были прежде, или находились еще нынѣ безбожники, въ собственномъ смыслѣ этого слова; потому что если не вѣрятъ они Богу истинному, то, по крайней мѣрѣ, вмѣсто Его должны вѣрить, какъ Божеству, случаю, природѣ; послѣ чего уже исчезаетъ собственно безбожіе. Но поелику тотъ далекъ еще отъ истины, кто предается своимъ мечтамъ и увлекается льстивыми обольщеніями своего воображенія; потому и всѣ тѣ, по словамъ Климента Александрійскаго, далеки еще отъ Бога, *кои не знаютъ Бога живаго и истиннаго*, (admonitio ad Graecos. Opf. et Colon. § 14), и всѣ таковые суть безбожники. — *И такъ безбожіе будетъ состоять въ образѣ мыслей, совершенно противномъ вѣрѣ въ истиннаго Бога.* Безбожіе можетъ быть *скептическое, догматическое и нравственное. Безбожникъ — скептикъ* утверждаетъ, что ничего нельзя знать

опредѣлительнаго касательно существа Божія. Таково было мнѣніе Протагора, который говоритъ, что, по трудности предмета, онъ ничего объ немъ не знаетъ; за это Архонты велѣли сжечь его книги, а его самого изгнали изъ Аѳинъ. (Diogenes Laërt. IX. c. s.) *Безбожникъ — догматикъ* отвергаетъ бытіе Бога и Его существо, поставляя на мѣстѣ его случай, природу или свою собственную мыслительную силу. Такъ безбожники Левциппъ и Лукрецій, написавшій замѣчательное стихотвореніе *О природѣ вещей* (De natura rerum), доказываютъ, что міръ произошелъ изъ непзъяснимаго столкновенія атомовъ. Кантъ вооружался противъ этого метафизическаго сумасбродства, и долго, но напрасно предохранялъ отъ него своихъ современниковъ. Наконецъ *нравственные* безбожники суть тѣ, кои ведутъ жизнь безъ Бога, основываясь въ семъ случаѣ на извѣстныхъ началахъ, или будучи увлечены сильными пожеланіями и страстями. Тѣ, которые ведутъ безбожную жизнь, сообразно съ извѣстными *началами*, допускаютъ Бога только метафизическаго, какъ вѣчное и всемогущее существо, не приписывая Ему ни мудрости, ни правосудія, ни святости, ни любви, ни вообще нравственныхъ свойствъ. Такое ученіе называется *онтологическимъ* деизмомъ, которому Кантъ противополагаетъ деизмъ *практическій*, происходящій прямо изъ нравственнаго отношенія человѣка къ Богу. Собственно говоря, онтологическій деизмъ долженъ быть названъ только *полу-*

деизмомъ, потому что онъ обнимаетъ идею Бога только въ половину, представляя Его однимъ верховнымъ началомъ всѣхъ вещей, безъ участія его въ міроправленіи, сообразно съ высочайшими цѣлями. Напротивъ, если кто попускаетъ *пожеланіямъ и страстямъ* помрачать въ себѣ идею Бога, и подавлять ее до того, что наконецъ вѣра остается безъ всякаго вліянія на его расположенія и надежды, то хотя и такого человѣка жизнь безбожна, при всемъ томъ она не основывается на опредѣленномъ началѣ. Никто не можетъ быть свободенъ отъ упрека въ безбожіи этого рода, потому что мы всѣ, болѣе или менѣе, забываемъ Всевышняго и ослабляемъ въ себѣ идею объ Немъ, попуская чувственнымъ впечатлѣніямъ вытѣснять ее изъ нашей души. Впрочемъ есть различныя степени забвенія Бога, начиная отъ легкаго потемнѣнія идеи Божества, до совершеннаго ея помраченія, и какъ бы уничтоженія въ человѣкѣ, и сіи степени составляютъ единственную возможную для нравоученія мѣру, по которой оно судитъ о чистотѣ совѣсти человѣка. Оставляя Богословію теорію безбожія, обратимся къ его *источникамъ*.

Люди находятся иногда въ *мрачномъ расположеніи духа*, и тогда они не видятъ въ мірѣ ни связи, ни порядка, ни цѣли, для которой онъ существуетъ. Но всякой разъ, какъ скоро разумъ помрачается и стѣсняется въ своемъ дѣйствіи, человѣкъ готовъ порицать Высочайшее Существо, и остается Имъ недоволенъ. Только вниматель-

ное, ясное и благоговѣйное воззрѣніе на міръ можетъ убѣдить насъ въ томъ, что Творецъ создалъ все прекрасно. Еще болѣе *ложная философія*, и именно метафизика, производятъ разстройства въ мысляхъ нашихъ, влекущее за собою безбожіе. «Законъ причинности,» говорятъ такіе философы, «имѣетъ свою силу только въ чувственномъ мірѣ, и не можетъ вести насъ за предѣлы его, потому что это только законъ времени, нужный для разсудка.» Но разсудокъ подчиненъ разуму; поэтому и начало причинности подчинено другому высшему самостолтельному началу, которое, въ соединеніи съ нравственнымъ закономъ, самымъ яснымъ образомъ указываетъ на первоначальную причину всего существующаго, вић міра находящуюся. «Въ насъ, далѣе говорятъ они, а не въ какомъ либо другомъ высшемъ существѣ, находится начало всѣхъ явленій, происходящихъ въ мірѣ.» — Но это начало есть только начало нашихъ понятій о вещахъ, а не самыхъ вещей, которыхъ бытіе и устройство зависятъ не отъ насъ, но отъ Высочайшаго Разума. Это чрезмѣрное напряженіе человѣческаго ума, это поклоненіе ему и обоготвореніе его, есть источникъ всѣхъ заблужденій въ метафизикѣ; удалившись отъ опыта и пренебрегая спокойнымъ разсматриваніемъ природы, мы теряемся въ отвлеченныхъ размышленіяхъ, совершенно ничтожныхъ, взываемъ къ своему генію о помощи, и жалкимъ образомъ остаемся отъ него обманутыми. (*Baco*, De augmentis scientia-

гии, l. 1. c. I.) Часто безбожіе происходитъ отъ *гордой мечтательности*. Многіе думаютъ, что отвергать бытіе Высочайшаго Существа, есть признакъ ума сильнаго и великаго. Но знаютъ ли эти сильные человѣческіе умы, что такое имя приличествуетъ имъ только въ смыслѣ насмѣшки? И въ самомъ дѣлѣ, незнаніе того, кому человѣкъ обязанъ своими совершенствами и своею жизнію, къ чему служатъ его познанія, и какое назначеніе его бытія обнаруживаетъ въ немъ величайшую слабость. (La Bruyère, Caractères, chap. XII.) Но самаго главнаго источника безбожія должно искать въ сердцѣ, когда пробужденныя въ немъ страсти отклоняютъ умъ человѣка отъ разсматриванія высочайшаго блага, а потомъ и отъ самаго Виновника всѣхъ вещей, доводя такимъ образомъ мало по малу невѣріе до самой крайней степени. Среди разсѣянія и удовольствій жизни, человѣкъ сперва начинаетъ сомнѣваться въ бытіи Божіемъ. Это ласкательство со стороны разсудка есть первый плодъ порока, потому что, какъ справедливо и прекрасно замѣчаетъ Паскаль, не стараться утверждать всѣми силами, что есть Богъ, значитъ стараться утверждать всѣми силами, что нѣтъ Бога. По мѣрѣ того, какъ удовольствія и мірскія страсти вытѣсняютъ изъ сердца любовь къ Богу, сіи сомнѣнія становятся смѣлѣе, и если порча нравственная достигла высшей степени, то они бываютъ выражаемы съ такою дерзостію, которая унижаетъ человѣчество. Сколько недостойно человѣка безбожіе, это видно

еще изъ того, что оно *ведетъ къ самымъ нелѣпымъ мнѣніямъ и предположеніямъ*. Такъ Лукрецій выдумываетъ множество атомовъ, которые будто бы доколѣ носились въ обширныхъ воздушныхъ пространствахъ, доколѣ случайный толчекъ тяготѣнія не сосредоточилъ ихъ и не далъ имъ настоящей формы. Но это столько же невѣроятно, какъ если бы кто сказалъ, что достойное чтенія стихотвореніе Лукреція, составилось изъ узловъ веревки, на которой онъ повѣсился. Такимъ образомъ безбожникъ строитъ міръ только силою своей мысли. Но изъ сего слѣдуетъ, что прежде, нежели великій философъ подумалъ, что міръ не существуетъ, онъ долженъ бы напередъ отвергнуть существованіе своего отца и матери, долженъ доказать, что онъ одинъ существовалъ тогда, когда еще не родился и не могъ мыслить. Безбожіе порождаетъ такъ же самое постыдное *суевѣріе*. Гоббесъ былъ смѣлый безбожникъ среди дня, но ночью боялся привидѣній. Фридрихъ Великій говоритъ объ одномъ воинѣ, что онъ не вѣрилъ въ Бога, но если, выѣзжая на охоту, встрѣчалъ женщину, то возвращался домой; что онъ же въ понедѣльникъ не предпринималъ ничего важнаго. Если внимательно примѣчать, то можно найти и много такихъ, которые подобны этому воину. И такъ безвѣръ впадаетъ изъ одного заблужденія въ другое, и всегда удаляется отъ пути разума, какъ скоро удаляется отъ Бога, даровавшаго человѣку разумъ. При такомъ образѣ мыслей невозможно

начертать мудраго плана для своей жизни, и сообразно съ нимъ дѣйствовать. Ибо хотя безбожникъ, находящійся въ спокойномъ состояніи и вполовину разсуждающій, можетъ по крайней мѣрѣ не видѣть необходимости и пользы гражданскихъ добродѣтелей; но эта нравственность не можетъ быть вмѣнена ему въ заслугу. Отвергая Бога, необходимо должно отвергнуть нравственный порядокъ, царствующій въ мірѣ, отвергнуть будущую жизнь, продолженіе добродѣтели за гробомъ и праведное мздовоздаяніе. Но что будетъ значить нравственность безъ сего убѣжденія? Безбожникъ съ такимъ же сердцемъ, каковъ его умъ, можетъ только говорить: «ѣшь, пей, завтра умрешь.» Накопецъ такой образъ мыслей уничтожаетъ всякое *спокойствіе душевное и счастіе человѣка.* Безбожникъ ни сколько не знаетъ чистыхъ радостей, ощущаемыхъ нами при открытіи истины; не знаетъ общенія съ Богомъ, мужества, внушаемаго намъ вѣрою, утѣшенія въ страданіяхъ, и надеждъ будущей жизни. Преданность какому-то непонятному случаю, или слѣпой судьбѣ, составляетъ все его утѣшеніе. Каждое несчастіе есть для него ударъ рока, сильно поражающій его душу, и для облегченія сего бѣдствія, онъ не имѣетъ ни какого средства; при каждой болѣзни онъ вдвое мучится тайнымъ страхомъ; приближающаяся старость становится для него адомъ.

Теперь обратимъ вниманіе на *средства* противъ сей душевной болѣзни. Не хорошо обнару-

живать предъ безбожникомъ удивленіе, или изумленіе, ибо этимъ ласкается его гордость, и онъ побуждается къ новому противорѣчію. Часто полезнѣе изъявлять къ нему нѣкоторое состраданіе, какъ къ мечтателю, всего болѣе имѣющему нужду въ обузданіи разума. Если онъ матеріалистъ, то должно стараться пробудить ослабѣвшую въ немъ мыслительную силу; если онъ эгоистическій идеалистъ, надобно искать средствъ ослабить его фантазію чувственными, опытными явленіями. Нужно показать атеисту, что онъ не имѣетъ ни какого основанія для своего мнѣнія; что представлять міръ вѣчнымъ столько же невозможно, какъ невозможно представлять домъ, построеннымъ въ воздухѣ; что мысль о Богѣ есть основаніе всякой истины, и что съ отверженіемъ бытія Божія должна уничтожиться всякая истина. Надобно убѣдить его, что ни одна сила въ природѣ, ни одна жизнь, ни одно мыслящее существо не можетъ существовать и дѣйствовать, если первоначальная, постоянная сила не будетъ приводить ихъ въ движеніе, направлять и поддерживать ихъ въ дѣйствіяхъ. Это динамическое доказательство дѣйствуетъ часто сильнѣе и убѣдительнѣе, нежели всѣ прочія, приводимыя къ подтвержденію бытія Божія, о которыхъ упоминается въ Кантовой *Критикѣ Разума.*

§. 3.

О Пантеизмѣ (всебожіи).

Нравственность не можетъ быть

также совмѣстна съ пантеизмомъ, или такимъ ученіемъ, которое смѣшиваетъ Существо Божіе съ міромъ. Хотя эта смѣлая мысль разнообразно развита и доказывается древними и новыми философами, однако жъ, бывъ разсмотрѣна ночнѣе и глубже, она является противною разуму, свободѣ и нравственности.

Подъ *Пантеизмомъ*, или *всебожіемъ*, разумѣется такое ученіе, по которому Богъ и міръ почитаются понятіями тождественными. (Schleiermachers christlicher Glaube. Berlin, 1822. B. I, s. 272, vergl. 245, ff.), или составляютъ одно существо. Такъ какъ къ сознанію нашей зависимости отъ Бога, ведутъ насъ и умъ и чувственная природа, то очень естественно, что пантеизмъ развился прежде, нежели человѣческій умъ возвысился къ чистому деизму. Первая система пантеизма является у Іонянъ; она содержитъ *космопластическое* всебожіе, и представляетъ Высочайшій Духъ первоначальнымъ тѣлеснымъ существомъ, проникающимъ всю природу; она приписываетъ сему существу безконечное протяженіе въ пространствѣ. За симъ ученіемъ слѣдовалъ *стоико-раціональный* пантеизмъ, по которому Богъ, какъ первый разумъ, соединенъ съ матеріею или непосредственно, или, какъ думаетъ Платонъ, посредственно, при помощи міровой души, такъ

что вселенная и Богъ составляютъ одно цѣлое, а мы члены этого цѣлаго (Senec., epist. 92, 95.) Но какъ и это ученіе было неудовлетворительно, то обратились къ положенію Пиѳагора, который доказывалъ, что хотя Богъ есть одинъ, но чрезъ разсматриваніе себя самого, онъ усугубился, и, распространяясь, сдѣлался видимымъ во внѣшнихъ явленіяхъ. Между новѣйшими защищалъ и доказывалъ эту мысль особенно Спиноза; онъ утверждалъ, что во вселенной только одно *Существо* (субстанція), которое такъ соединяетъ въ себѣ безконечное протяженіе (extensionem), и мышленіе (cogitationem), что изъ перваго произошли тѣла, а изъ второй — души; что, по сущности своей, это существо не различно ни отъ тѣлъ, ни отъ душъ. Новѣйшая *Естественная Философія* еще опредѣленнѣе выразила это ученіе, именно, что Богъ, по своему существу, есть природа, а природа есть Богъ. Новѣйшее видоизмѣненіе этой системы составляетъ ученіе *идеалистическое*, или *панлогистическое* (всеобъясняющее разумомъ), которое уничтожаетъ дѣйствительность внѣшняго міра, почитая всѣ явленія въ немъ произведеніями разума, или знанія. «Чистое мышленіе есть Божеское существо, и Божеское существо, разсматриваемое въ самомъ себѣ, есть чистое мышленіе, или знаніе, напечатлѣнное въ насъ самихъ самымъ глубокимъ образомъ. Но какъ міръ существуетъ только въ знаніи, и самое знаніе есть міръ, то никакъ нельзя отдѣлить понятія о Богѣ отъ понятія о мірѣ, по-

тому что Богъ и міръ въ нашемъ знаніи суть одно и тоже.» (Fichtes Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters s. 250, s. Anweisung zum seligen Leben, s. 26 — 225, и сочиненіе безъименнаго: Die Allgegenwart Gottes. Gotha; 1817).

Возраженіе, что пантеизмъ, представляя Высочайшее существо подъ символомъ безконечнаго пространства, очищаетъ тѣмъ понятіе о Богѣ отъ *антропоморфизма*, или заблужденія, приписывающаго Божеству человѣческія свойства; что онъ отдаляетъ непонятность ученія о сотвореніи міра изъ ничего, и о происхожденіи времени изъ вѣчности, — не заслуживаетъ никакого уваженія. Какъ ни достоинъ порицанія антропоморфизмъ, не смотря на то, Богъ въ *человѣческомъ образѣ* ближе къ нашему сердцу, нежели представляемый въ видѣ *безконечнаго пространства*. Высочайшій Духъ тѣмъ именно и отличается отъ всѣхъ другихъ разумныхъ существъ, что есть *виновникъ міра и времени*.

Пантеизмъ есть ученіе совершенно *противное разуму и уничтожающее основныя истины религіи и добродѣтели*. Онъ *искажаетъ чистое понятіе о Богѣ*, котораго не должно представлять существомъ сложнымъ, но чисто духовнымъ, свободнымъ отъ всякой вещественности (tota mens soluta et libera. Cicer. fragm.) Онъ *искажаетъ понятіе о нравственномъ устройствѣ міра*, ибо, представляя Бога сущностію міра вещественнаго, представляетъ его виновникомъ всѣхъ

нравственныхъ золъ и преступленій, а такимъ образомъ уничтожаетъ внутреннее различіе между добромъ и зломъ. Онъ *истребляетъ чистое понятіе о безсмертіи*, существенный признакъ коего есть продолженіе бытія вмѣстѣ съ личностію и самосознаніемъ; онъ заставляетъ умирающаго человѣка возвратиться, подобно животному, или растенію, безъ всякаго самосознанія, въ бытіе хаотическое, неопредѣленное. Кромѣ того онъ *уничтожаетъ понятіе о Богѣ* какъ *судіи міра*; ибо ежели передъ Богомъ нѣтъ грѣховъ, какъ утверждаетъ новѣйшій пантеизмъ, то онъ не можетъ ихъ и наказывать; несуществующее не можетъ быть предметомъ справедливаго возмездія. Такимъ образомъ пантеизмъ сими предположеніями *уничтожаетъ* наконецъ *человѣческую свободу*: ибо ежели мы, какъ части цѣлаго, составляемъ вмѣстѣ части и самого Бога, то находимся къ нему въ такомъ же отношеніи, какъ вѣтви къ дереву, которыя безъ сомнѣнія имѣютъ одинаковый съ нимъ организмъ. Необходимымъ слѣдствіемъ сего была бы совершенная страдательность человѣческой воли.

Предостерегательное средство противъ обольщеній пантеизма, заключается *въ тѣсной связи чувства нашей зависимости отъ Бога съ сознаніемъ нашей свободы*. Какъ твореніе, мы дѣло рукъ Существа Безконечнаго. Ни одинъ первъ пашъ, ни одинъ мускулъ не движутся безъ Его воли; ни одинъ власъ главы нашей не падаетъ безъ Его вѣдѣнія, даже къ самому добру побуж-

даетъ насъ и въ самой добродѣтели укрѣпляетъ насъ Его сила. Но эта зависимость совсѣмъ не есть страдательная, какъ зависимость пальца отъ руки, или руки отъ плеча; ибо тогда мы были бы подобны почкамъ на деревѣ и не могли бы никогда дойти до самосознанія. Теперь же, напротивъ, съ перваго пробужденія нашего сознанія, даже до гроба, мы сознаемъ съ величайшею точностію нашу духовную самодѣятельность. Нашъ духъ мыслитъ, желаетъ и дѣйствуетъ, въ опредѣленныхъ ему границахъ, съ собственною творческою дѣятельностію; онъ можетъ сократить и уменьшить горизонтъ своего внутренняго міра, коль скоро начинаютъ овладѣвать имъ чувственныя удовольствія и побужденія; можетъ распространить его посредствомъ благочестиваго размышленія и дѣйствія, освѣтить и превратить въ жилище мира и радости. Посему только въ нравственномъ, а не въ физическомъ смыслѣ мы можемъ составлять едпное съ Богомъ. Богъ хочетъ, чтобы мы Его признавали Творцемъ своимъ, а себя Его твореніемъ; Онъ насъ воззвалъ къ бытію не какъ существа въ Немъ Самомъ сущія, но внѣ Его жить долженствующія. И такъ самое чувство нашей свободы и личности уже отвергаютъ всякое физическое общеніе съ Богомъ, какъ недостойное нашего Творца, и несообразное съ нашею природою, и вмѣстѣ возбуждаютъ въ насъ радостную увѣренность, что Онъ не образовалъ насъ, какъ раковинъ, но сотворилъ по своему образу и возвысилъ до достоинства чадъ

своихъ. Наконецъ отъ пантеизма предохраняетъ убѣжденіе *въ безсмертіи*, заставляющее насъ ожидать себѣ безконечнаго существованія въ другомъ мірѣ, и притомъ съ полнымъ сознаніемъ самихъ себя.

§ 4.

О сомнѣніи въ предметахъ Религіи.

Съ постояннымъ образованіемъ нашего духа неразлучно *сомнѣніе*, подъ коимъ не должно разумѣть ни той слабости ума, по которой человѣкъ не можетъ произнести опредѣленнаго сужденія, ни той слабости воли, по которой онъ старается пристать къ какой либо изъ противныхъ сторонъ. Въ особенности же съ сомнѣніемъ не должно смѣшивать *скептицизма*, постояннаго и упорнаго сомнѣнія во всемъ. Подъ сомнѣніемъ здѣсь должно разумѣть *непродолжительную нерѣшительность сужденія при кажущемся равносиліи доказательствъ, утверждающихъ и опровергающихъ какое либо ученіе о предметахъ Религіи.* Такого сомнѣнія нельзя *ни без-*

условно извинять, потому что часто оно проистекаетъ изъ тупости ума, ложнаго направленія душевныхъ силъ, гордости и другихъ порочныхъ склонностей; *ни безусловно считать невозможнымъ въ душахъ слабыхъ*, потому что оно часто бываетъ совершенно противъ ихъ воли, имѣетъ тѣсную связь съ собственнымъ мышленіемъ и изслѣдованіемъ. Въ этомъ отношеніи *должно соблюдать слѣдующее:* не искать сомнѣнія, не сообщать легкомысленнаго своего сомнѣнія другимъ; при разрѣшеніи его, руководствоваться доказанными и оправданными истинами и совѣтами опытныхъ людей; пользоваться имъ къ смягченію сужденія своего о другихъ, и до совершеннаго разрѣшенія и объясненія онаго, не давать ему никакого вліянія на нравственные поступки.

Сомнѣніе почти на всѣхъ образованныхъ языкахъ первоначально означаетъ *обоюдность* сужденія, или мнѣнія; (διχάσμος, διψυχία, dubium, Zweifel). Мы здѣсь подъ сомнѣніемъ не разумѣемъ того *страдательнаго состоянія нашего ума*, въ которомъ онъ, колеблясь между впечат-

лѣнiями противоположныхъ мнѣнiй и ихъ доказательствъ, ни какъ не рѣшается произнести окончательнаго сужденiя. Въ жизни часто случается встрѣчать людей съ такимъ нерѣшительнымъ духомъ. Равнымъ образомъ мы не говоримъ здѣсь о *скептицизмѣ*, ни *академическомъ*, по которому обо всемъ должно скрывать свое мнѣнiе, потому, что будто обо всемъ можно произнести два противорѣчащiя одно другому сужденiя (Platners philosophische Aphorismen. Neue Ausg. Leips. 1793 ann. Th. I. s. 703); ни о *пирроническомъ*, по которому нельзя даже доказать и того, чтобы что нибудь могло быть доказываемо (Gellius in N. A. lib. XI. c. 5). О сей болѣзни ума весьма справедливо говоритъ *Фихте*: «Это есть высочайшая степень безпечности духа, при которой человѣкъ ни мало не способенъ печись о своей участи; это не показываетъ ни какого остроумiя, но напротивъ обнаруживаетъ самую высшую степень тупоумiя, потому что защищаетъ въ собственномъ смыслѣ скотское мнѣнiе, будто истина не составляетъ ни какого блага, и будто въ познанiи ея не заключается ни «какого достоинства.» Anweisung zum sel. Leben. Berl. 1806 s. 303). Подъ *сомнѣнiемъ* разумѣемъ мы нерѣшительность ума при изслѣдованiи такихъ положенiй, коихъ утвердительныя и отрицательныя доказательства имѣютъ въ нашемъ понятiи одинаковую силу, или одинаковый вѣсъ. Если смотрѣть на сомнѣнiе въ предметахъ Религiи съ *нравственной* стороны, то его нельзя ни

безусловно извинять, ни считать невозможнымъ въ душахъ слабыхъ. Нельзя извинять потому, что оно весьма часто проистекаетъ изъ худыхъ и нечистыхъ источниковъ. Кто имѣетъ навыкъ отличать истинное отъ ложнаго, существенное отъ случайнаго, кажущееся отъ дѣйствительнаго, тотъ весьма легко замѣтитъ перевѣсъ однихъ доказательствъ надъ другими въ пользу истины, и тѣмъ обнаружитъ свое остроуміе, которое неразлучно съ точностію и опредѣленностію сужденія. Нерѣдко сомнѣніе въ предметахъ Религіи проистекаетъ *изъ худаго направленія духа, изъ неправильнаго образованія.* Часто препятствіемъ Религіи, укрѣпляющей сердце, служитъ *гордость.* Такъ многіе думаютъ пріобрѣсть себѣ славу только тѣмъ однимъ, что противорѣчатъ людямъ самымъ ученымъ, или самымъ основательнымъ и благонамѣреннымъ мыслителямъ, или являются въ одно время защитниками, въ другое противниками истины. Наконецъ всѣ доказательства теряютъ свою силу тамъ, *гдѣ сердце напередъ уже упорствуетъ имъ.* Нѣтъ ничего извѣстнѣе, какъ вездѣсущіе Божіе; но преступникъ хочетъ и отъ Вездѣсущаго скрыть темные пути свои. Нѣтъ ничего вѣрнѣе, какъ скорое возмездіе за дѣла наши; но почти каждое преступленіе совершается въ надеждѣ избѣжать праведнаго суда Божія.— Съ другой стороны нельзя всегда и безусловно отвергать сомнѣнія. И можно ли осуждать такое состояніе нашего духа, которое есть необходимое слѣдствіе мудраго устройства разумной нашей

природы? Нравоученіе ограничиваетъ сомнѣніе слѣдующими правилами.

1.) *Ищи истины свободно и прямымъ путемъ, но не дѣлай изслѣдованій твоихъ съ намѣреніемъ открыть недоумѣнія и сомнѣнія.* Кто ищетъ сомнѣнія въ предметахъ Религіи, тотъ уже добровольно далъ ложное направленіе своему духу; онъ уже рѣшился противиться всему Божественному, и по сему самому всегда будетъ находить мнимыя основанія въ защиту заблужденія, которое обольстило его сердце, и должно рано или поздно повергнуть его въ совершенную гибель. Если же, на пути благонамѣреннаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, встрѣтится сомнѣніе само собою, то преслѣдуй его бодро, не страшась первыхъ его послѣдствій. Оно не есть пустыня, въ которой ты долженъ поселиться навсегда, но только переходъ разума чрезъ темноту къ свѣту. Оно есть какъ бы уравненіе вѣсовъ при взвѣшиваніи мыслей, скоро, и непремѣнно опустится вѣсовая чашка, и ты съ радостію предашься свободному убѣжденію, ты придешь въ истинное спокойствіе, какимъ не можетъ хвалиться скептикъ.

2.) *Остерегайся сообщать легкомысленно другимъ свое сомнѣніе въ предметахъ Религіи.* Таковое открытіе своего сомнѣнія не только содержитъ въ себѣ преждевременное сознаніе въ твоемъ несовершенствѣ, но и приводитъ въ заблужденіе другихъ; оно соблазняетъ и раздражаетъ ихъ, уязвляетъ ихъ совѣсть, или по крайней мѣрѣ до-

водитъ до безполезныхъ споровъ и распрей, которыя болѣе отдаляютъ отъ истины, нежели къ ней приближаютъ. Эту осторожность всего болѣе должны имѣть отцы семействъ и наставники юношества. Возраженія тогда только могутъ быть полезны, когда они въ то же время рѣшатся и, такимъ образомъ превращаютъ сомнѣніе въ опредѣленное и ясное познаніе. Скептическія ученія и скептическая философія раждаютъ въ юныхъ умахъ заразительныя болѣзни, производящія большія опустошенія и часто неизлечимыя продолженіе всей жизни.

3.) *Прибѣгай прежде всего къ истинамъ доказаннымъ* и въ случаѣ ихъ недостаточности *пользуйся основательными совѣтами людей опытныхъ.* Ясныя идеи и правильныя понятія суть основанія нашего знанія и нашей вѣры; заблужденіе и сомнѣніе происходитъ или отъ незнанія того, какимъ образомъ должно соединить вмѣстѣ отдѣльныя звѣнья въ цѣпи познаній, или отъ неяснаго представленія связи ихъ съ высшимъ началомъ мышленія. Въ первомъ случаѣ все зависитъ отъ логическаго синтеза, во второмъ отъ послѣдовательнаго вывода понятій изъ высшаго начала, или основной идеи. Если такое средство тебѣ не помогаетъ: *то открой свое сомнѣніе испытанному и опытному другу*, или *ищи для себя наставленія въ правилахъ мудрыхъ мужей, жившихъ прежде тебя* и находившихся въ подобныхъ твоимъ обстоятельствахъ до утвержденія ихъ духа въ истинѣ. Наипрекраснѣйшій плодъ

историческихъ изслѣдованій состоитъ именно въ открытіи намъ жизни великихъ людей, изъ которой мы должны учиться тому, что для насъ составляетъ добро и пользу.

4.) *Пользуйся своимъ сомнѣніемъ для смягченія своего сужденія о заблужденіи другихъ.* Обыкновенные приверженцы сектъ и ревностные догматики, находящіеся еще на низшей степени исторической вѣры и понятій о нравственности, являются нерѣдко строгими до нетерпимости и слишкомъ несправедливыми къ смѣлымъ и новымъ мыслямъ и сужденіямъ, потому что ихъ ограниченная система служитъ имъ высшею мѣрою всякой истины. Но кто знаетъ по опыту, какъ часто испытывающій умъ напрасно распростираетъ крылья свои и плаваетъ въ пустомъ и мрачномъ пространствѣ, пока не удастся ему воспарить прямымъ и безопаснымъ путемъ къ свѣтилу истины, тотъ и къ другимъ будетъ снисходителенъ, охотно предоставляя имъ нужное для предуготовленія времени — время діалектическаго и школьнаго упражненія въ области противоположныхъ мнѣній, пока не просвѣтится ихъ умъ и не утвердится ихъ сердце.

5.) Наконецъ *остерегайся тщательно того, чтобы сомнѣніе въ предметахъ Религіи не возъимѣло какого либо вліянія на твои поступки, но ожидай спокойно совершеннаго его разрѣшенія и объясненія.* Это не только *возможно*, но и *необходимо*; возможно потому что, о всеобщихъ обязанностяхъ справедливости ни какъ нель-

зя имѣть благоразумнаго сомнѣнія; слѣдовательно при частныхъ недоумѣніяхъ, всегда остается обширное поприще для мыслей и обязанностей; *необходимо* потому, что никогда не должно дѣйствовать только наугадъ и никакъ нельзя сомнительную мысль поставлять первообразомъ дѣйствительнаго поступка (quod dubitas, ne feceris. Plin. ep. 1, 13). Сверхъ того, отъ исполненія сего правила часто зависитъ наше *счастіе*, или по крайней мѣрѣ наше *спокойствіе*, ибо заблужденіе ума, если только оно не происходитъ изъ худаго источника, извинительно; но не освященное разумомъ свободное дѣяніе, оставляетъ всегда болѣзнь и раскаяніе въ душѣ нашей, и во внѣшнемъ мірѣ имѣетъ такія послѣдствія, которыя уже ни какъ не могутъ быть отвращены, или уничтожены.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Непосредственныя обязанности благочестія.

§ 5.

Обязанность всегда размышлять о Богѣ.

Мудрый человѣкъ въ основаніе своего Богопочтенія полагаетъ обязанность всегда возноситься къ Богу сердцемъ своимъ, и находясь на выс-

шей степени духовнаго образованія, всегда помышлять о Немъ. Исполненіе этой обязанности, сколько бы ни казалось трудным для человѣка чувственнаго, по крайней мѣрѣ не есть невозможно; притомъ же оно имѣетъ сильное вліяніе на нашу *духовную жизнь* и *необходимо* для нашей *добродѣтели*. Потому, *прежде всего надобно искать Бога въ насъ самихъ; мысль объ Немъ хранить въ чистомъ сердцѣ, не привязанномъ ни къ чему земному, руководиться ею во всѣхъ нашихъ страданіяхъ и радостяхъ*, и *благочестивою, каждодневною молитвою болѣе и болѣе усиливать ее въ себѣ*.

Несправедливое возраженіе противъ обязанностей къ Богу никогда не могло бы найти умныхъ защитниковъ, если бы каждый изъ нихъ такъ часто, и съ такимъ благоговѣніемъ размышлялъ о Богѣ, какъ дѣлали это Святые Ветхаго Завѣта. *Презрѣхъ Господа предо мною выну*, говоритъ *Давидъ, яко одесную мене есть, да неподвижуся. Аще поминахъ тя на постели моей, на утреннихъ поучахся въ тя; прильпе душа моя по тебѣ; мене же пріятъ десница твоя.* Отсюда вытекаетъ вѣрное и спасительное правило для жизни: *Вся дни Господа Бога нашего*

помни, и да не похощеши согрѣшати. И такъ первая изъ непосредственныхъ обязанностей благочестія есть — *помышлять о Богѣ не только охотно и съ радостію, но со всѣмъ расположеніемъ нашего сердца, такъ чтобы сія мысль, на высшей степени нашего духовнаго образованія на землѣ, никогда не выходила уже изъ нашего сердца, но составляла нравственно одно съ нашимъ духомъ.* При семъ предполагается, что человѣкъ, какъ существо свободное, свободно располагаетъ своими мыслями, начиная съ отверженія бытія Божія до самаго живаго въ немъ убѣжденія, отъ безумнаго равнодушія до самой чистой дѣтской любви къ Отцу Небесному. Правда, обязанность постоянно размышлять о Богѣ довольно *трудна* для всякаго чувственнаго человѣка. При измѣняемости его представленій, онъ ничего такъ легко не забываетъ, какъ Бога и предметы божественные, именно потому, что онъ есть существо земное; чувство высокое, глубокое и проникнутое своимъ предметомъ, недоступно ему по его перемѣнчивости; часто даже находясь въ храмѣ, онъ видитъ только алтарь невѣдомаго ему Бога. Но сколь бы велико и сильно не было наше легкомысліе, мы всегда можемъ искать Творца своего. И такъ *отнюдь не невозможно* постоянно размышлять о Богѣ. Мы не забываемъ воздуха, насъ окружающаго; не забываемъ своего духа, своего сердца, себя самихъ; какимъ же образомъ должна удаляться отъ насъ мысль о Всевышнемъ, который все проникаетъ

своею жизнію и своею силою; мысль о Богѣ, который, какъ солнце міра духовнаго, съ постоянно одинаковымъ свѣтомъ сіяетъ на небѣ нашего вѣдѣнія? Скорѣе мать можетъ забыть дитя свое, скорѣе солнце погаснетъ на небѣ, и глубокая полночь покроетъ главу нашу, чѣмъ оставитъ насъ Тотъ, кто столь близокъ къ нашему внутреннему существу. Чувство постояннаго присутствія Божія *необыкновенно подкрѣпляетъ нашу духовную жизнь*. Всѣ представленія конечнаго могутъ и должны ускользать изъ нашего вѣдѣнія: ибо онѣ конечны, потому текутъ въ порядкѣ времени, гдѣ, какъ въ какой нибудь рѣкѣ, послѣдующая волна движетъ и гонитъ предыдущую. Но Богъ внѣ времени: онъ есть *первый* и *послѣдній*; онъ есть основаніе всѣхъ нашихъ понятій, смотря по тому, какъ расширяются предѣлы нашего ума, въ душѣ нашей образуется идея безконечнаго. Согласно съ своею цѣлію, мы должны обнимать разумомъ всѣ наши представленія и понятія; точно также лежитъ на насъ долгъ, все познаваемое представлять въ Богѣ, источникѣ свѣта и истины. Насъ удаляютъ отъ него или суетныя мечты, увлекающія въ обманчивое царство воображенія, или отвлеченныя умствованія, ведущія въ пустое мысленное царство метафизической ничтожности. Только въ Богѣ и съ Богомъ возвышаемся мы до живаго и духовнаго взгляда на міръ. Посему постоянное размышленіе о Богѣ *необходимо также для нашей добродѣтели и нравственнаго образованія*. Какъ

все, насъ окружающее, съ утра до вечера движется въ солнечномъ свѣтѣ, такъ точно разумъ долженъ освѣщать всѣ наши ощущенія и чувствованія; совѣсть должна управлять нашими склонностями и пожеланіями, и обязанность должна давать извѣстное направленіе нашимъ мыслямъ и намѣреніямъ. Но этотъ разумъ долженъ быть одно съ мыслію о Богѣ; эта совѣсть есть благочестіе, и оно должно управлять нашими поступками, мыслями и намѣреніями. Человѣкъ подлежитъ пороку и беззаконію, коль скоро не водится въ дѣйствіяхъ своихъ разсудительностію; онъ не можетъ заглянуть въ свою совѣсть, не будучи объятъ и проникнутъ въ то же самое время мыслію о Богѣ. Того, кто, по своему легкомыслію и самозабвенію, повергается въ тяжкія беззакопія, мы называемъ явно оставленнымъ отъ Бога.

И такъ, если обязанность непрестанно помышлять о Богѣ, есть существенное условіе нашего благочестія, то и средства, облегчающія исполненіе сей обязанности, заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія. Здѣсь прежде всего мы должны стараться искать *Отца нашей жизни въ себѣ самихъ*. Правда, дѣйствія Бога, внѣ насъ совершающіяся, и его Божественный Промыслъ въ исторіи рода человѣческаго не менѣе для насъ важны и поучительны; но сколько бы ни было совершенно познаніе и образованіе наше, получаемое изъ сего наставленія, вѣра наша въ Бога никогда не будетъ живою, если она не соединя-

лась въ насъ самихъ съ образомъ Всевышняго. Посему, если мы хотимъ имѣть Бога предъ очами и въ сердцѣ, то должны пробуждать и питать въ себѣ чистую дѣтскую готовность къ принятію его Божественнаго образа. И такъ, если уединеніе, или какая нибудь важная мысль, пробудившаяся среди глубокой полуночи, если минуты страданія, удары счастія или величественное зрѣлище природы пробудятъ въ насъ ясное сознаніе нашего внутренняго, а слѣдственно и сознаніе Божественной идеи въ насъ самихъ, то мы должны ловить это первоначальное понятіе полноты, совершенства и, вмѣстѣ съ нимъ то небесное сокровище, которое мы носимъ въ земномъ своемъ сосудѣ. *Эту небесную мысль мы должны стараться хранить въ чистомъ, свободномъ сердцѣ.* Ибо, если какая нибудь страсть начинаетъ гнѣздиться въ душѣ человѣка и подавлять ея силы, если неумѣренность дико воспламеняетъ кровь его и потемняетъ всѣ его понятія, а сладострастіе налагаетъ оковы на духъ, и погашаетъ въ сердцѣ чистое пламя любви благородной; если наконецъ гнѣвъ, ненависть и жажда мести, похищаютъ у него свободу и съ дикимъ неистовствомъ свирѣпствуютъ внутри его, то сердце человѣка никакъ не можетъ быть храмомъ Божіимъ, и неспособно къ принятію свѣта истины и благочестія. Когда мы будемъ владѣть самими собою, будемъ противиться нашимъ пожеланіямъ; а во время бурь сердца, или при его слабости, будемъ умѣть сохранить спокой-

ствіе и разсудительность, тогда, и только тогда мы можемъ познать истину, что Богъ есть нашъ Всеблагій Отецъ и заступникъ (Псал. LXXXIV, 12), истину, которая дѣлаетъ насъ въ точномъ смыслѣ свободными духомъ. *Мысль о Богѣ можетъ храниться только въ чистомъ и непорочномъ сердцѣ.* Ничто не можетъ такъ приблизить насъ къ Богу, какъ свѣтъ истины и познанія; но если мы предаемся лжи и обману, то слабый разумъ нашъ скоро помрачается и мы не видимъ болѣе свѣта *истиннаго Богопознанія. Порядокъ, правда и законъ* всего болѣе напоминаютъ намъ о нашей зависимости отъ Бога, но коль скоро простерли мы руки свои къ непозволительному, или содѣлались грубы, жестоки, горды по отношенію къ ближнимъ своимъ, то мы отвратились уже отъ Бога, ибо порокъ и злоба заняли мѣсто между нами и Творцемъ нашимъ. Если для насъ честь предъ людьми дороже, нежели одобреніе Божіе; если красота творенія привлекательнѣе для насъ красоты Творца: то и самыя наши желанія дѣлаются ниже, наши радости порочнѣе, и самая любовь къ Богу, нѣкогда восхищавшая сердце наше, оставляетъ нашу душу. Посему мысль о Богѣ, необходимо должна быть *соединяема со всѣми перемѣнами нашей судьбы, со всѣми радостями и страданіями.* Мы безъ малѣйшаго отлагательства извѣщаемъ отсутствующихъ друзей своихъ обо всемъ пріятномъ, или непріятномъ, съ нами случившемся, ибо иначе мы не вполнѣ наслаждались бы своимъ благопо-

лучіемъ, а въ несчастіяхъ лишились бы сильнаго утѣшенія, если бы память о друзьяхъ, ихъ привязанность и любовь не входили въ кругъ нашихъ чувствованій. Точно также мы должны поступать при всѣхъ случаяхъ жизни и въ отношеніи къ Богу, къ его отеческому о насъ попеченію. При каждомъ успѣшно оконченномъ трудѣ, при каждомъ одолѣніи искушенія, послѣ каждаго претерпѣннаго страданія, среди наслажденія и радости, мы должны возноситься мыслію къ Богу: ибо чѣмъ болѣе каждое особенное чувство освящается и проникается свѣтомъ божественнымъ, тѣмъ драгоцѣннѣе и пріятнѣе для насъ сознаніе онаго чувства.

Возведи очи твои къ Богу, и ты узришь его во всемъ величіи; вспомни только о неизмѣримомъ богатствѣ благодѣяній его, и ты почувствуешь отеческую любовь его, доставляющую тебѣ болѣе благъ, нежели сколько ты просишь и надѣешься отъ него; предайся только чувствамъ благодарности, и любовь его къ тебѣ изліется въ сердце твое. Такъ мыслить и чувствовать, значитъ *молиться* и возобновлять въ себѣ священный образъ его, переноситься въ духовное созерцаніе его и укрѣплять узы нравственнаго сообщенія съ нимъ; повергаться въ объятія Отца щедротъ и всякія благости съ вѣрою и твердою увѣренностію въ томъ, что ни глубина, ни высота, ни настоящее, ни будущее, ни жизнь, ни смерть не могутъ разлучить насъ отъ любви его. Всѣ *совершенные* между нами,

или желающіе быть таковыми, должны мыслить и чувствовать такимъ образомъ.

§ 6.

Благоговѣніе къ Богу.

Чѣмъ живѣе въ насъ мысль о Богѣ, тѣмъ сильнѣе мы чувствуемъ и обязанность *благоговѣнія къ Богу, или глубокаго сознанія нашей зависимости отъ его совершенства и величія.* Самое поверхностное сравненіе нашего чувства съ существомъ Божіимъ уже побуждаетъ насъ къ благоговѣнію; для кого Богъ не составляетъ предмета почтенія, для того нѣтъ ничего достойнаго уваженія; всякое чувство любви и благодарности, самое чувство благочестія должно изсякнуть въ груди того, кто не чувствуетъ въ себѣ благоговѣнія къ Существу Высочайшему. Обузданіе самолюбія, освобожденіе отъ ограниченнаго человѣческаго чувственнаго представленія о Богѣ (антропоморфизма), величественные виды природы, созерцаніе божественной славы, могуще-

ства и нравственнаго порядка въ области исторіи и собственнаго своего опыта, суть самыя сильнѣйшія средства къ внушенію сей обязанности.

Мысль о Верховномъ Существѣ наполняетъ нашу душу благоговѣніемъ, или глубокимъ смиреніемъ. Мы можемъ представить себѣ все существующее, насъ самихъ и наше тѣло — не существовавшими прежде, или по крайней мѣрѣ, можемъ производить все отъ предшествующей причины. Но что касается до Бога, то вопросъ *откуда Онъ*, не имѣетъ ни какого смысла и значенія; ибо Богъ существуетъ самъ отъ себя; Онъ есть первоначальная причина всего существующаго; до него не было ничего. Сіе сознаніе нашего неизмѣримаго разстоянія отъ Бога, въ Ветхомъ Завѣтѣ называется *страхомъ*; значеніе этого слова требуетъ объясненія. Всякой страхъ обыкновенно основывается на представленіи угрожающаго намъ зла. Злой человѣкъ страшится гибельныхъ послѣдствій своихъ преступленій, или суда Божія; мысль о правосудіи Божественномъ въ наказаніи грѣшниковъ, потрясаетъ душу его и возвращаетъ на путь истинный. Но этотъ страхъ есть одно только приготовленіе къ тому свободному, высшему расположенію духа, безъ котораго не можетъ быть истиннаго благоговѣнія. Благоговѣніе состоитъ *во всегдашнемъ представленіи величія и славы Бога*, вѣчности существа его, совершенства разума его, свято-

сти воли, премудрости міроправленія, вѣрности устройствъ въ царствѣ міра видимаго и невидимаго, коими Онъ руководствуетъ всѣхъ тварей своихъ къ цѣли имъ предназначенной. Существо разумное, представляя себѣ всѣ сіи совершенства Божіи, съ ужасомъ взираетъ на неизмѣримое разстояніе свое отъ Бога, и его любовь. Его стремленія къ сему существу обращаются, при руководствѣ здраваго чувства истины, въ благоговѣніе, вовсе отличное отъ унизительнаго отрицанія достоинства человѣческаго. Такимъ образомъ сіе убѣжденіе раждаетъ нравственныя чувствованія и намѣренія; смиреніе, преданность Промыслу, благоговѣніе при всякомъ произношеніи Святаго Имени Божія — суть неразлучныя послѣдствія онаго. Мы должны отдать справедливое преимущество Іудеямъ въ томъ, что они съ особеннымъ благоговѣніемъ произносятъ имя Существа неизрѣченнаго; ибо съ какимъ хладнокровіемъ, легкомысліемъ и неуваженіемъ часто произносится между нами это Всевысочайшее Имя! Съ какою гордостію и дерзостію говорятъ иногда объ немъ, особенно люди свѣтскіе, Философы, естествоиспытатели! И самый великій умъ становится презрѣннымъ, когда онъ забываетъ свое неизмѣримое разстояніе отъ существа безпредѣльнаго.

Уже при самомъ поверхностномъ сравненіи существа безконечнаго съ конечнымъ, должно проникнуть нашу душу самое глубокое чувство смиренія. Самая величайшая гордость человѣческая уступаетъ мѣсто чувствованію высокаго, при

видѣ величественной рѣки, безбрежнаго моря, высокой горы, страшной бури; посему мысль о Вѣчномъ, предъ коимъ милліоны горъ и самыхъ міровъ исчезаютъ, какъ песчинка, не должна ли возбудить насъ къ глубочайшему предъ нимъ смиренію? Благоговѣніе къ Богу есть единственное, вѣрное мѣрило, посредствомъ коего мы можемъ измѣрять даже все достойное нашего уваженія. Если бы мы были такъ безразсудны, что отказали бы Существу Высочайшему въ нашемъ къ нему благоговѣніи, то мы тотчасъ перестали бы уважать все вообще; мудрость и невѣжество, невинность и преступленіе потеряли бы свое значеніе въ глазахъ нашихъ; ласкательство и грубость, низость и самоугодіе, раболѣпство и дерзкое высокомѣріе смѣшялись бы тогда поперемѣнно въ душѣ нашей; всякое свободное стремленіе къ благородному и высокому, потеряло бы свое достоинство; гражданское общество рушилось бы, или повергло въ бездну самаго бѣдственнаго разстройства. По какъ уваженіе къ другимъ есть основаніе всякой дружбы и любви, такъ благоговѣніе къ Богу *есть самое главное условіе благочестія.* Кто не оказываетъ должнаго благоговѣнія къ Существу Высочайшему, тотъ уничтожаетъ всякое нравственное отношеніе твари къ Творцу ея, отвергаетъ святость закона нравственнаго и идетъ путемъ нечестія, ведущимъ къ погибели.

Изъ числа важнѣйшихъ средствъ къ возбужденію благоговѣнія къ Богу, первое мѣсто зани-

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР

маетъ *искорененіе безразсуднаго слѣпаго высокомѣрія, или грубаго самолюбія.* Доколѣ человѣкъ находится подъ владычествомъ грубыхъ естественныхъ побужденій, самолюбіе его раждаетъ гордость, а ограниченность разсудка и невѣжество доставляютъ сей послѣдней пищу. Мы должны пріучаться съ раннихъ лѣтъ оказывать должное уваженіе родителямъ, наставникамъ, начальникамъ и почтеннымъ старцамъ; чрезъ это мы будемъ искоренять въ себѣ наше высокомѣріе и приготовляться къ высшему благоговѣнію предъ Тѣмъ, кому подобаетъ всякая честь и поклоненіе. *Высокія картины природы*, новыя для насъ и неожиданныя, пробуждаютъ также чувство благоговѣнія въ душѣ нашей. Кто въ первый разъ видитъ водопадъ Рейна, изверженія Везувія или величавость Кавказа, тотъ невольно приходитъ въ такое расположеніе, при которомъ чувствуетъ безпредѣльное величіе Божіе и свое ничтожество. Это же самое чувство пробуждаетъ въ душѣ нашей гроза, буря, видъ утренней зари и звѣзднаго неба; суевѣрный трепещетъ, когда разражается громъ надъ его головою; невѣрующій насмѣхается надъ этимъ грознымъ явленіемъ, а благочестивый человѣкъ падаетъ при семъ ницъ, и въ блескѣ молніи, въ бурномъ дыханіи вѣтра, видитъ присутствіе или слѣдъ Творца природы. Наконецъ благоговѣніе ко Всевышнему *подкрѣпляется созерцаніемъ величія его въ области исторіи и опыта.* Невинность подвергается гоненіямъ, заключается въ оковы, но она скоро тор-

жествуетъ свою побѣду; заблужденіе возвышается надъ истиною, но оно низвергается въ бездну мрака и забвенія; въ тайнѣ мрака совершаются ужасныя преступленія, но виновники ихъ не ускользаютъ отъ очей бдительнаго правительства; ненасытный честолюбецъ хочетъ покорить своей власти полсвѣта, но испускаетъ послѣднее дыханіе плѣнникомъ, на скалѣ отдаленнаго Океана. Всемірная Исторія есть всемірный судъ.

§ 7.

О клятвѣ.

Благоговѣніе къ Богу доказывается вѣрностію *въ клятвѣ, или въ торжественномъ подтвержденіи истины чѣмъ-либо священнымъ.* Подтверждающій истину словъ своихъ, отдаетъ въ залогъ другому сіе священное ручательство въ ихъ справедливости, и клянется обыкновенно тварію или самымъ Творцомъ. Посему клятва бываетъ различна.

Кто проникнутъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія къ Богу, тотъ доказываетъ уже это любовію къ истинѣ и торжественно обнаруживаетъ ее предъ другими, когда нужна бываетъ откровенность его чувствованій. Мы не престаемъ ко-

лебаться въ душѣ своей между истиною и заблужденіемъ, между истиннымъ бытіемъ и мечтательнымъ, нерѣдко съ намѣреніемъ признавая сіе послѣднее за совершенную истину, когда сердце занято преступными желаніями и намѣреніями. Потому въ общежитіи весьма важно знать, твердъ ли кто въ своихъ словахъ и обѣщаніяхъ. Ни одинъ договоръ не можетъ быть заключенъ безъ этой увѣренности, и всякое государство рушилось бы, если бъ для того, кто утверждаетъ, или обѣщаетъ что нибудь, не было ни какихъ законовъ совѣсти; а для того, кому обѣщается, ни какого обезпеченія его довѣренности. Если бы люди вообще были невинны и добры, то для нихъ довольно было бы и одного взаимнаго слова; но какъ этого въ нихъ недостаетъ, то въ дѣлахъ жизни и взаимномъ сообщеніи мыслей, недовѣрчивость всегда находится въ спорѣ съ откровенностію другаго, и эта борьба произвела *клятву*, или *торжественное подтвержденіе* словъ чѣмъ либо священнымъ. Здѣсь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать другому поруку въ вѣрности утверждаемаго, и представить ему, какъ бы изъ глубины сознанія, залогъ достойный по общему ихъ признанію, залогъ, на потерю котораго мы напередъ согласились, если клятва наша найдена будетъ ложною и обманчивою. Поелику же искренность нашихъ намѣреній не обнаруживается внѣшними знаками, то произносящій клятву представляетъ въ залогъ свою вѣру, благочестіе, свою честность, самыя драгоцѣнныя

свои надежды, и произноситъ самъ надъ собою приговоръ, обрекающій его на позоръ и презрѣніе, если бы онъ умышленно захотѣлъ обмануть другаго. Посему мѣра благъ жизни въ каждой клятвѣ, есть также мѣра подтвержденія; кто не вѣритъ въ нравственное правленіе міра и внутреннее блаженство при нравственныхъ условіяхъ, или кто, пренебрегши своею жизнію и обязанностію, занимается мыслію о собственномъ самопогубленіи, тотъ неспособенъ къ клятвѣ, и хотя бы онъ готовъ былъ дать ее, никто бы на нее не положился, зная его намѣреніе. Слѣдовательно предметъ драгоцѣнный, предметъ возвышающій душу, говорящій сердцу и предметъ священный есть необходимое условіе клятвы, при которомъ исполняется обѣщаемое и съ которымъ какъ бы соединяется искренность онаго. Предметы, коими люди подтверждали свою клятву, издревлѣ были весьма различны, и постепенно возвышаясь отъ всего достойнаго уваженія на землѣ до неба, такимъ образомъ восходили по лѣстницѣ тварей до самаго Творца. Такъ у Египтянъ подтверждалась истина *Фараономъ* (Бытія XLII, 15) у Евреевъ — *Царемъ* (1. Цар. XVII, 55), *Давидомъ* (тамъ же, XXV, 26), *Иліею* и *Елисеемъ* (4 Цар. 2. 2, 4, 30), *Ангелами* (1. Тим. V, 21), *Іерусалимомъ* и *собственною своею главою* (Матѳ. V, 34), *небомъ и землею, храмомъ и алтаремъ.* Справедливо думали Іудеи, во времена Іисуса Христа что между сими подтвержденіями истины и увѣреніями *Богомъ*, есть боль-

шое различіе. Клятва царемъ у нихъ гораздо менѣе значила, нежели клятва *буквами имени* или *свойства Божія*, какъ напримѣръ (שבדעפא), запечатлѣнная буквами Ш и А, какъ начальными буквами: Шаддаи и Елогимъ. Римляне клялись *скипетромъ и державою императора, жизнію Ромула, капиторіею, собственною жизнію, честію, счастіемъ* и въ послѣдствіи *власами Божіими* (per capillos Dei, novell. 77). Изъ среднихъ временъ извѣстны формулы клятвы *Святыми, мощами, императоромъ, императорскою Оттоновою бородою;* всѣ сіи предметы для современниковъ составляли предметъ почтенія, и слѣдовательно узы совѣсти, которыя признаетъ дѣйствительнымъ самое право каноническое (t. 26, X. de jure priv.)

Хотя клятва вообще позволительна, однако жъ всякому нужно знать, *когда онъ обязанъ давать клятву?* Ибо никто не имѣетъ права налагать обязательства на нашу совѣсть по своему произволу; иначе чрезъ такое принужденіе, уничтожилась бы свобода, существенное условіе благочестія. Нравственное сознаніе человѣка и отношеніе его къ Богу и невидимому міру столь священны, что никто не можетъ имѣть права посягнуть на нихъ и безъ нашего согласія, насильственно, взять ихъ въ залогъ. *Но когда, напримѣръ, счастіе, честь, жизнь, вѣра, добродѣтель другаго подвергаются опасности, когда правительство требуетъ утвержденія нашего показанія*, тогда мы обязаны торжественно

представить высочайшій залогъ нашей искренности.

Клятвою злоупотребляютъ: 1.) Когда даютъ ее *безъ нужды*, т. е. когда и безъ нее можно доказать истину какимъ либо другимъ образомъ, напримѣръ, указаніемъ на самую вещь, свидѣтелями, связно причины и ея дѣйствія, и т. п.

2.) Когда требуютъ ея *для маловажныхъ предметовъ, или для ничтожныхъ и второстепенныхъ цѣлей.* Сюда относятся всякіе маловажные случаи, легкія обиды, принятіе на себя исполненія какого либо неважнаго дѣла, свидѣтельство предъ судомъ въ мелочныхъ спорахъ, равно какъ и всякіе незначительные случаи въ общественной жизни. Кто и въ такихъ случаяхъ клянется, тотъ поступаетъ опрометчиво, забываетъ свои отношенія къ Богу, и лишаетъ себя личнаго достоинства и нравственнаго характера.

Наконецъ 3.) *Когда обѣщаніе, по своей внутренней противузаконности, не имѣетъ никакой обязательной силы для совѣсти.* Таковы клятвы тайныхъ обществъ, мятежниковъ, разбойниковъ, воровъ и убійцъ, и всякое добровольное обязательство, принятое противъ нравственнаго назначенія человѣка, или противъ гражданскихъ его обязанностей.

§ 8.

О ропотъ на Провидѣніе и злоупотребленіи именемъ Божіимъ.

Благоговѣнію Божію противоположны: ропотъ на Провидѣніе и злоупо-

преблепіе именемъ Божіимъ. Многіе, недовольные своею участью, по невѣжеству и гордости порицаютъ міроправленіе Божіе, иные для клятвы злоупотребляютъ именемъ Божіимъ. Тѣ и другіе обнаруживаютъ только легкомысліе и надмѣнность, противныя мудрости и величію Верховнаго Міроправителя.

Порицаніе міроправленія или ропотъ на Провидѣніе, во всякомъ случаѣ противны безусловному долгу, требующему отъ насъ благоговѣнія къ Существу Верховному. Они происходятъ или отъ надмѣнныхъ и дерзкихъ сужденій о планѣ и дѣлахъ Божіихъ въ мірѣ, или отъ малодушія, оказываемаго при горестяхъ и бѣдствіяхъ жизни.

Невѣжество, не понимающее того, что намѣренія Божіи не относятся къ удовлетворенію чувственныхъ пожеланій, но къ духовному образованію человѣческаго рода; гордость, въ которой человѣкъ воображаетъ, что онъ достоинъ большаго счастія, и возстаетъ противъ Бога, коль скоро не исполняются его желанія; закоснѣлая лѣность, требующая наслажденія счастіемъ безъ всякаго нравственнаго усилія — вотъ ближайшія причины такого образа мыслей. Его безнравственность сама собою очевидна; ибо мы вообще не имѣемъ ни какого права требовать отъ Бога чего бы то ни было и на самое посредственное свое

состояніе должны смотрѣть какъ на незаслуженный даръ благости Божіей. Притомъ желанія и наклонности наши нерѣдко бываютъ превратны и неблагоразумны, а потому и исполненіе ихъ было бы для насъ болѣе вредно, нежели полезно. Наконецъ страданія, бѣдствія и всякаго рода испытанія очищаютъ человѣка, и дѣлаютъ его способнымъ къ ощущенію истинныхъ радостей. Если мы внимательно разсмотримъ слабость своего ума, познаемъ нравственное свое назначеніе и истинное благо разумныхъ существъ; если оцѣнимъ надлежащимъ образомъ цѣль страданій, премудрое руководительство каждаго изъ насъ ко внутреннему совершенству, и наслажденіе незаслуженными благами, то во всемъ этомъ найдемъ самое *благотворное средство* противъ ропота на Провидѣніе. Только человѣкъ безчувственный и закоренѣлый въ развратѣ не видитъ въ мірѣ премудраго порядка и рѣшается исправлять лучше дѣла Божіи, нежели себя самого. (Senec. Epist. 107. Феодиц. Лейбница § 194. Введеніе. Першке въ его нравоученіи s. 222, ff.)

Благоговѣнію къ Богу противно также *злоупотребленіе его именемъ*. Святость имени Божія оскорбляется во-первыхъ призываніемъ помощи Божіей на злыя дѣла, во-вторыхъ безразсудною божбою, или легкомысленнымъ клятвеннымъ утвержденіемъ своихъ мыслей. Человѣкъ грубый и необразованный, обыкновенно злоупотребляетъ всѣмъ священнымъ, и мнѣнія, не имѣющія въ себѣ ни какого значенія и достоинства,

старается сдѣлать достойными уваженія чрезъ призваніе силы Божеской на ихъ ничтожность. Низкіе лгуны, зная, что имъ никто не вѣритъ, весьма часто прибѣгаютъ къ божбѣ и клятвѣ, хотя въ самомъ дѣлѣ, такимъ безстыдствомъ, они только уничтожаютъ всякое къ себѣ довѣріе.

§ 9.

О клятвопреступленіи и богохульствѣ.

Еще болѣе нарушается благоговѣніе къ Богу *клятвопреступленіемъ* и *богохульствомъ*. Клятвопреступленіе дѣлается въ различныхъ видахъ. Оно всегда есть преступленіе противъ государства, противъ совѣсти и противъ Бога, всегда сопровождается оно безчестіемъ и часто оканчивается жалкимъ раскаяніемъ. Но богохульство, или хула на *высочайшее совершенство* еще болѣе унижаетъ человѣчество, потому что ведетъ къ безбожію или ему равняется.

Клятвопреступничество имѣетъ разные виды. Во-первыхъ: самая клятва дается *либо искренне*, *либо притворно*; во-вторыхъ: нарушеніе данной клятвы можетъ сопровождаться различ-

ными обстоятельствами, дѣлающими порокъ болѣе или менѣе безнравственнымъ. Всѣмъ видамъ клятвопреступничества вообще принадлежитъ *обманъ* противъ того, кому была дана клятва, и *тщетное призываніе имени Божія*. Но *ложная* клятва есть *коварство*, прикрываемое лицемѣрнымъ призываніемъ имени Божія въ залогъ точности обѣщанія и вѣрности его исполненія Нѣкоторые старались освободить себя отъ упрека, въ преступности этого дѣйствія *умственнымъ изъятіемъ* (reservatio, restrictio mentalis), т. е. произношеніемъ клятвы только *матеріяльно, словесно*, но безъ *сердечнаго* и *умственнаго* въ ней участія. Такъ, полагаютъ, клялся Арій въ исповѣданіи вѣры; такъ будто клянутся и учатъ клясться Іезуиты. Однако жъ это составляетъ одну пустую уловку, а самой сущности коварства ни сколько не измѣняетъ, ибо *обманъ и ложное призываніе имени Божія* тутъ есть; къ нимъ прибавляется еще *ухищреніе*, утонченность, которыя не умеиьшаютъ, а напротивъ увеличиваютъ безнравственность дѣянія тѣмъ самымъ, что способствуютъ къ большему прикрытію обмана. *Вѣроломство* есть нарушеніе *искренней* и торжественно данной клятвы. Вѣроломными клятвопреступниками дѣлаются подданные противъ своего государя, или правительства, которымъ въ вѣрности присягали, побѣжденные противъ побѣдителя, когда онъ, по вѣрѣ къ клятвѣ ихъ, положилъ оружіе, и вмѣсто обращенія съ ними какъ съ врагами, началъ почитать ихъ друзьями

и такъ съ ними обходиться. Наконецъ третій видъ нарушенія клятвы составляютъ тѣ поступки, которые дѣлаются въ противность торжественнымъ присягамъ, даваемымъ по службѣ въ точномъ исполненіи обязанностей, или въ противность священнымъ обѣтамъ, дѣлаемымъ при вступленіи въ позволительные *союзы*, или *общества*; таковы суть обѣты *супружескіе*, *монашескіе*, и т. п.

Вообще *безнравственность* клятвопреступленія заключается въ томъ, что 1) оно раздвояетъ душу клянущагося на противорѣчащія взаимно стороны, и кладетъ пятно безчестія на его совѣсть. Кто предъ лицемъ Бога одно говоритъ, а другое думаетъ, либо одно обѣщалъ, а другое дѣлаетъ, тотъ разрываетъ священный союзъ воли съ разумомъ, лишаетъ себя нравственнаго достоинства и унижаетъ благородство человѣческой природы. 2) Оно отвергаетъ Бога, его правосудіе и святость, ругается надъ его міроправленіемъ и нравственнымъ порядкомъ вещей, издѣвается надъ призываніемъ его праведнаго мщенія. Наконецъ нарушитель клятвы 3) есть преступникъ противъ государства, котораго не только благосостояніе, но и самая безопасность утверждаются только общественною правдивостію и вѣрностію.

Въ нравоученіи *Богохульство* разсматривается какъ униженіе и поруганіе Творца. Оно собственно состоитъ въ свободномъ и добровольномъ обвиненіи Высочайшаго Существа въ сла-

бостяхъ и порокахъ человѣческихъ, въ сравненіи себя съ нимъ и въ желаніи себѣ Божескихъ почестей; въ поруганіи вѣры въ Бога и въ боготвореніи тварей. Если обратимся къ *источнику* сего нечестія, то увидимъ, что оно часто происходитъ отъ минутнаго отсутствія духа и отъ душевнаго помѣшательства, отъ грубости невѣжества, которое преклоняетъ колѣни предъ идолами, и ругается надъ невѣдомымъ Богомъ, Творцемъ вселенныя; отъ гордости, простирающейся до сумасбродства; но большею частію отъ нравственнаго униженія, въ которомъ нечестивый являетъ презрѣніе къ самому себѣ въ дерзостномъ поруганіи святыни. Нѣтъ сомнѣнія, что *богохульство*, если только оно не сумасшествіе, уже по своему *безразсудству*, принадлежитъ къ самымъ величайшимъ порокамъ, къ какимъ только человѣкъ способенъ, ибо нѣтъ большаго безу́мія, какъ поносить Высочайшее Существо, вѣруя въ него, или не вѣруя. Столько же оно преступно и по безпредѣльной *необузданности* хулителя, доказывающаго на самомъ дѣлѣ, что для него нѣтъ ничего священнаго и достойнаго уваженія.

§ 10.

О любви къ Богу.

Другая непосредственная обязанность благочестія есть *любовь къ Богу*. Она есть возвышеніе духа до

такой степени, на которой мы дѣлаемся причастниками любви и благости Божіей, есть сердечное благоговѣніе къ высочайшимъ совершенствамъ Творца. Питать это святое чувство *обязываетъ* насъ самая природа нашего духа, тайное желаніе нашего сердца, связь этого чувства съ сущностію вѣры въ Бога, и наконецъ доставляемая имъ чистѣйшая радость. Поэтому истинно нравственный человѣкъ, со всевозможнымъ стараніемъ будетъ питать и усиливать въ себѣ это чувство, истиннымъ познаніемъ Бога, воспоминаніемъ о его благости, размышленіемъ о тѣсной связи любви къ нему съ нашимъ блаженствомъ, и о бренности мірскихъ благъ и удовольствій.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ любовь къ Богу предписывается какъ *источникъ всѣхъ обязанностей.* (Второз. VI. 5. X. 12. XI. 1, 13); въ Христіанской Религіи она полагается въ *основаніе всей нравственности.* Но какъ ни ясно кажется вообще понятіе о любви, при всемъ томъ о любви къ Богу разсуждали различно, и это различіе главнѣйшимъ образомъ зависѣло отъ того, изъ

чистаго ли разума, или изъ одного только чувства хотѣли произвести любовь къ Богу. Блаженный *Августинъ* представляетъ любовь стремленіемъ всего нашего внутренняго бытія къ вѣчному идеалу — Богу. «Душа», говоритъ онъ, «жаждетъ такого блага, на которомъ бы могла навсегда остановиться своею любовію, а не касаться его только мимолетными сужденіями, и это благо есть не иное что какъ Богъ» (bonum quaerendum animae, non cui supervolitet judicando, sed cui haereat amando, et quid hoc nisi Deus? De trinit. VIII. 3. 5). Этотъ совершенно правильный взглядъ былъ скоро замѣненъ понятіями, заимствованными изъ Философіи *Платона*. (Ennead. III. 5. VI. 8). Отсюда почерпнулъ мысли тотъ писатель, который говоритъ: (opp. Venet. 1755. 1, 366). «Богъ есть движущая сила, все влекущая выспрь, не имѣющая ни конца, ни начала, все соединяющая и смѣшивающая (δύναμις ἐρωτική) и, какъ бы кругообразно все опять къ себѣ возвращающая.» Опредѣленіе и ясніе училъ объ этомъ Бернгардъ изъ Клерво de diligendo Deo, opp. ed. Mabillon, Paris, 1690. Vol. I. s. 584. ff.) «Хотя любовь къ Богу, говоритъ онъ, вытекаетъ изъ чувственности: однако она оканчивается въ самомъ духѣ, ибо она безконечна; она не должна заботиться о наградѣ, но должна стараться быть достойною награды. Почему должно отличать любовь естественнаго человѣка, стремящагося удовлетворить необходимостямъ бытія, отъ любви, имѣю-

ицей основаніемъ надежду получить отъ Бога помощь въ несчастіи; а эту любовь должно отличать еще отъ той, которая возбуждается въ насъ Божіими совершенствами и наконецъ возвышается до того, что человѣкъ начинаетъ любить себя и свое счастіе только изъ любви къ Богу: *sic affici deificari est.*» Въ извѣстной книгѣ *О подражаніи І. Христу*, хотя любовь къ Богу также представлена стремленіемъ къ духовной свободѣ, къ удаленію отъ міра и душевному счастію, однако все это выражено въ краткихъ изрѣченіяхъ и чувствительныхъ фразахъ безъ достаточной ясности и опредѣленности, которыя требуются для ученаго сочиненія. Во времена реформаціи это ученіе, какъ видно изъ Апологіи Аусгбургскаго исповѣданія, разсуждающей о *любви* и *исполненіи закона*, было разсматриваемо болѣе въ отношеніи ко внѣшнимъ обрядамъ Церкви, нежели въ отношеніи къ ея сущности. Но въ слѣдующемъ столѣтіи Испанецъ *Молиносъ* въ своемъ *Духовномъ руководителѣ* (Geistlicher Wegweiser 1673), подъ любовію къ Богу разумѣлъ созерцаніе вѣчной истины и самого Бога безъ вида и образа, сладостный покой и довольство, чистую, совершенную, изъ глубины сердца выходящую молитву, и тѣмъ онъ возбудилъ квіетистическіе споры, въ которыхъ Г-жа *Гіонъ* и *Фенелонъ*, (Maximes des Saints sur la vie intérieure, Amsterd. 1698) принимали жаркое участіе. Фенелонъ почти также опредѣляетъ степени любви къ Богу, какъ и

Бернгардъ; но высочайшую чистоту и совершенство сей любви онъ полагалъ въ такой привязанности къ Богу, которая даже и *тогда не уменьшилась бы, когда бы мы находились въ жесточайшихъ мученіяхъ*. Эти и подобныя имъ мнѣнія возбудили противъ него *Боссюета*, который, въ 1699 году, предалъ его сочиненія проклятію, и заставилъ Фенелона торжественно отрѣчься отъ его мнѣній (Histoire de Fenelon par Mr. de Bausset, Paris, 1803. Th. I. p. 225 ff.) Какъ ни важнымъ явился въ семъ споръ Фенелонъ, однако же вѣрно то, что древній и новый квіетизмъ много способствовали къ порчѣ нравовъ, вмѣсто исправленія ихъ. Срави. *Pitaual* Causes célèbres par Richer, Amsterdam 1772. Th. II. ff. и особенно Vie de Scipion de *Ricci*, evêque de Pistoie par *Potter*. Bruxelles, 1825. Th. I. p. 401. ff. Философія Канта, которой начала отвергаютъ всякое религіозное чувство, почти совсѣмъ исключила любовь изъ числа добродѣтелей; потомъ *Фихте* назвалъ ее аффектомъ бытія, посредствомъ котораго наше *я* достигаетъ бытія чистаго, божественнаго. Коль скоро человѣкъ совершенно, до самаго корня уничтожаетъ себя, то одинъ Богъ, говоритъ Фихте, остается въ немъ и дѣлается *всѣмъ во всемъ*. Человѣкъ не можетъ сотворить себѣ Бога; но онъ можетъ уничтожить себя посредствомъ совершеннаго отрицанія, и тогда онъ *погружается въ Бога.*» (Anweisung zum seligen Leben. Berlin, 1806. s. 240.) Гіопъ, въ своемъ сочиненіи, подъ назва-

ніемъ: Torrens, не сильнѣе выразила свою мысль объ этой высочайшей степени, до которой можетъ достигать любовь. Если возьмемъ во вниманіе тѣсную связь сознанія нашего духа съ *идеею* Бога, то мы не будемъ удивляться, встрѣтивъ даже въ наше время подобныя изъясненія любви къ Богу. (Сравн. Штейдлина: Geschichte der Christlichen Moral seit dem Wiederaufleben der Wissenschaften. Göttingen, 1808. s. 631. ff.)

Всѣ сіи различныя понятія о любви къ Богу, произошли изъ различія понятій о *любви* вообще, о которой напередъ нужно составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе. Для сего недовольно представить любовь только склонностію къ пріятному и дать ей нѣкоторую важность, приявъ ее за обязанность; ибо именно это неуваженіе, съ какимъ критическая философія исказила небесную любовь и, унизивъ до чувственной любви, ввела ее въ обыкновенную жизнь; это неуваженіе дало сей философіи характеръ антиплатоническаго безчувствія, которое вооружило противъ нея всѣхъ религіозныхъ и чувствительныхъ мыслителей. Еще *Декартъ* (Epistolae, Amsterdami, 1678. 4. tom. I. p. 71. ff.) глубже и основательнѣе проникалъ въ сущность любви, которую Фихте называлъ аффектомъ бытія. (Anweisung zum seligen Leben s. 20. 9.) Всѣ согласны въ томъ, что любить что нибудь, значитъ вообще желать чего нибудь съ охотою, напримѣръ любить пищу, игру, удовольствія. Если предметъ любви матеріяленъ, то она обык-

новенно называется *чувственною*, и пожеланіе въ семъ случаѣ происходитъ отъ инстинкта, который, сообразно съ организмомъ заставляетъ чувствовать нужду въ томъ, о чемъ умъ нашъ помышляетъ съ удовольствіемъ. Такъ чувство сухости во рту производитъ жажду, которая совершенно механически раждаетъ нужду въ питіи; но если сюда привходитъ представленіе о пріятномъ напиткѣ, то пожеланіе превращается въ любовь, которая скоро можетъ превратиться въ страсть. Точно также, и по такимъ же животнымъ законамъ раждается въ насъ чувственная любовь къ существамъ, намъ подобнымъ. Если же, напротивъ, предметъ нашей любви есть не матеріяльный, или онъ *идеальный*, то любовь называется *духовною, нравственною, небесною*, и проистекаетъ изъ свободнаго дѣйствованія воли и сердца, которое, бывъ проникнуто живою идеею какого нибудь духовнаго блага, стремится достигнуть его и пріобрѣсть въ свое обладаніе. Достиженіе сего блага имѣетъ слѣдствіемъ удовольствіе и радость, а напротивъ неудача въ стремленіи къ нему, возбуждаетъ печаль и уныніе. *Слѣдовательно полное обладаніе чѣмъ нибудь пріятнымъ или добрымъ, котораго мы желаемъ, и изъ котораго можемъ сдѣлать сообразное съ нашею природою и нашимъ назначеніемъ употребленіе, должно составлять послѣднюю цѣль всякой любви вообще.* Если мы подведемъ подъ этотъ взглядъ любовь къ Богу, которая безъ всякаго сомнѣнія должна быть призна-

на духовною, то 1-е, мы найдемъ въ ней признакъ *высочайшаго удовольствія, производимаго воззрѣніемъ на совершенства Божіи.* Кто хочетъ любить Бога, тотъ долженъ представлять его себѣ не только въ истинномъ и вѣчномъ совершенствѣ, но и вмѣстилищемъ и источникомъ всѣхъ благъ; долженъ считать его своимъ отцемъ и благодѣтелемъ, который осыпаетъ насъ своими милостями и несказанными благами. Чѣмъ сильнѣе и живѣе эта мысль овладѣваетъ нами, *тѣмъ свободнѣе и разительнѣе она дѣйствуетъ на наше внутреннее чувство, и производитъ въ насъ то удовольствіе, которое составляетъ любовь.* Отсюда происходитъ потомъ 2-е, *возвышеніе духа къ Богу*, или устремленіе къ нему ума, сердца и воли. Это устремленіе также называется у нравоучителей соединеніемъ съ Богомъ; но оно составляетъ тотъ камень, о который претыкались мистики всѣхъ временъ. Такъ *Молиносъ* представляетъ его упоеніемъ души, разрѣшившейся въ Богъ; а *Фенелонъ* и *Бёмъ* брачнымъ соединеніемъ души съ ея небеснымъ женихомъ; *Малебраншъ*, созерцаніемъ вѣчной истины (Recherches de la vérité. I. v. d. 5); *Фихте*, самоуничтоженіемъ и совершеннымъ погруженіемъ себя въ лоно Божества. Все это представляетъ только благочестивыя мысли и иносказательныя, а не точныя выраженія. *Конечный духъ нашъ можетъ возвышаться къ идеѣ безконечнаго, но никогда не возвысится до самаго безконечнаго.* Посему возвышеніе нашего духа къ Богу, по

устройству нашей природы, можетъ быть только *идеальнымъ общеніемъ* съ Богомъ, и оно по этому только что идеально, становится способнымъ къ безконечному увеличенію. Оно не перестаетъ никогда, потому что мы тѣмъ болѣе познаемъ Бога, чѣмъ ближе и съ чистѣйшимъ сердцемъ къ нему приступаемъ. Посему-то любовь къ Богу не есть одно только самоизслѣдованіе и страдательная молитва; но 3-е, она есть отрадное для сердца общеніе благости и милости Божіей (amor amicitiae), основанное на вѣчно дѣятельной любви Небеснаго Отца къ его дѣтямъ. Мало могла бы радовать насъ любовь къ Богу, если бы онъ самъ не шелъ къ намъ навстрѣчу съ своею благостію, и не дѣлалъ для насъ возможнымъ совершеннѣйшаго убѣжденія въ его бытіи. Кто пребываетъ въ этой любви, тотъ пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ пребываетъ, тотъ покоитъ въ немъ свое сердце, уповаетъ на него и его радость дѣлается совершенною; *ибо самъ Богъ возвѣщаетъ свою любовь въ сердцахъ своихъ возлюбленныхъ, и своимъ духомъ производитъ въ нихъ радость и миръ.* Это есть предощущеніе будущаго вѣчнаго блаженства, которое неизвѣстно міру, и въ которомъ одинъ только истинный христіанинъ ясно видитъ высочайшую награду за благочестивую жизнь, за свою любовь къ Богу, обращенную въ дѣятельную любовь къ ближнимъ. Напрасно будутъ возражать намъ, что любовь къ Богу въ такомъ понятіи не можетъ быть предписана за-

комъ. Напротивъ 1-е, уже *самая природа нашего разума* требуетъ отъ насъ любви къ Богу. Разумный человѣкъ любитъ все совершенное; но Богъ есть вмѣстилище всѣхъ совершенствъ: слѣдовательно даже по закону природы мы обязаны любить Бога болѣе всего (Descartes l. c. pag. 74. ff.) Къ сему присоединяется 2-е, *необходимая потребность нашего сердца*, ибо невозможно доброму и благородному человѣку не любить Существа благодѣтельнаго и совершеннаго. Если бы мы имѣли какого нибудь благодѣтельнаго духа, который бы былъ нашимъ другомъ, и непрестанно носился около насъ, то мы безъ сомнѣнія заключили бы съ нимъ дружескій союзъ, уважали бы его, были бы привязаны къ нему и преданы ему всѣмъ сердцемъ. Тѣмъ болѣе должно сказать это о нашемъ Вѣчномъ Отцѣ, который сотворилъ насъ, питаетъ, любитъ, дѣлаетъ счастливыми, коего образъ носимъ мы въ нашемъ сердцѣ. Сверхъ того любовь къ Богу 3-е, не только освобождаетъ волю нашу отъ владычества чувственности, но возвышаетъ духъ къ источнику всякой истины, указываетъ ему на цѣль его небеснаго назначенія, пробуждаетъ разумъ, оживляетъ свободную дѣятельность воли, усиливаетъ участіе въ состояніи другихъ и, представляя намъ всякую обязанность волею Божіею, тѣмъ самымъ дѣлаетъ ея для насъ сугубо важною. Въ самыхъ житейскихъ отношеніяхъ, чистая любовь къ Богу есть знакъ невинности и вѣрности, есть жизнь духа, она освящаетъ дру-

жество на вѣчныя времена. Наконецъ любовь къ Богу есть 4-е, *источникъ чистѣйшей и величайшей радости.* Если у меня ослабѣваетъ душа и тѣло, говоритъ Давидъ, то и тогда ты, Господи, не престаешь быть утѣшеніемъ моего сердца. Она соединяетъ человѣка съ Богомъ, просвѣтляетъ его умъ, доставляетъ сердцу благороднѣйшій миръ, поселяетъ въ душѣ надежду блаженной жизни будущей, въ самыхъ буряхъ жизни вливаетъ въ нее спокойствіе, и на краю гроба даетъ ей непреоборимую твердость и упованіе на Бога. Изъ сего видно, сколько должны мы стараться о томъ, чтобы возбуждать, усиливать и питать въ себѣ любовь къ Богу. Способствующія къ этому средства суть: 1-е, *разсматриваніе тлѣнности и обманчиваго блеска мірскихъ благъ.* Міръ преходитъ съ своими удовольствіями; кто любитъ его, въ томъ нѣтъ любви къ Богу. Всякъ долженъ спрашивать себя, доставляетъ ли ему чувственный міръ то, чего онъ ищетъ, именно, миръ его сердцу и спокойствіе душѣ? Удовлетворило ли его вполнѣ хотя одно чувственное наслажденіе? Могутъ ли доставить ему прочное счастіе богатство, удовольствія, почести? Именно тѣ, кои предали всю свою жизнь любостяжанію, честолюбію, разсѣянности и разнымъ чувственнымъ удовольствіямъ, скоро начинаютъ вздыхать о суетѣ своей жизни и о своемъ удаленіи отъ истиннаго блага, которое могло бы доставить имъ спокойствіе и прочное счастіе. Размышленія такого рода скоро должны пробу-

дить благородныя стремленія въ душѣ мыслящаго человѣка, и дать волѣ самое лучшее направленіе. Еще лучше можно произвесть это 2-е, *благочестивымъ образованіемъ духа и по возможности вѣрнымъ познаніемъ Бога.* Общія идеи разума, касающіяся достоинства и нравственнаго назначенія человѣка, хотя могутъ пробудить духъ отъ усыпленія, подавляющаго всякую добродѣтель, однако жъ они не могутъ совершенно удовлетворить мыслящаго человѣка. Только въ Богѣ, семъ вѣчномъ, чадолюбивомъ, посылающемъ счастіе Отцѣ, онъ находитъ истинный источникъ свѣта, свободы, утѣшенія, радости и вѣчной жизни. Посему, кто хочетъ питать высшую любовь къ Богу, тотъ долженъ искать безконечнаго въ самомъ себѣ, въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ; тотъ пусть ищетъ Его въ природѣ, въ этомъ вѣчно новомъ, вѣчно цвѣтущемъ вертоградѣ чистой красоты и благости; тотъ пусть взираетъ на небо, этотъ величественный символъ безконечности. Все это открываетъ и предписываетъ намъ нашъ разумъ, или природа; но христіанское ученіе еще болѣе дополняетъ, и конечно, усовершаетъ недостатокъ нашихъ познаній и убѣжденія божественнымъ откровеніемъ. По всѣ сіи мысли должны быть 3-е, *примѣняемы къ сердцу и исторіи цѣлой жизни каждаго человѣка.* Каждый долженъ представить себѣ, сколько Богъ далъ ему талантовъ, преимуществъ, отличающихъ его отъ прочихъ существъ; долженъ взять во вниманіе родителей, коими Провидѣніе

осчастливило его, друзей, веселящихъ его въ жизни, кругъ дѣятельности въ который онъ введенъ Провидѣніемъ, успѣхи своихъ трудовъ, избавленіе отъ опасностей, неожиданные перевороты счастія, долженъ имѣть въ виду конецъ испытаній и бѣдствій на землѣ, и помнить обѣтованіе Божіе, по которому мы и въ будущемъ должны надѣяться получить болѣе, нежели сколько просимъ и сколько представить себѣ можемъ. Кто имѣетъ отверзтыми свои духовныя очи, и не умеръ для благодарности, тотъ почувствуетъ въ себѣ отъ таковыхъ мыслей пробужденіе самой сильной любви къ Богу.

§ 11.

О молитвѣ.

Кто любитъ Бога, тотъ любитъ и *молитву*. Этому учили еще *Сократъ*, *Платонъ*, *Эпиктетъ* и *Антонинъ*.

Молитва есть непосредственное слѣдствіе любви къ Богу. Уже языческіе философы учили, что человѣкъ всѣ свои занятія долженъ начинать молитвою къ богамъ, виновникамъ всякаго счастія и блаженства (*πάντα ἀγαθα δει αἰτεισθαι παρα τῶν θεῶν.* Plutarchus de Iside et Osir. init.) Въ Тимеѣ Платона, *Сократъ*, приступая къ объясненію начала міра, прежде всего обращается къ богамъ, и проситъ внушить ему угодныя для нихъ мысли. Такимъ же образомъ дѣлали *Демосѳенъ*

и *Цицеронъ* во многихъ важнѣйшихъ своихъ рѣчахъ. Сократъ обращалъ свои мольбы къ Богу Спасителю, *θεὸς σωτηρ*, или, какъ называетъ его Тацитъ къ Юпитеру Спасителю, Jupiter Liberator, которому умирающій Сенека посвятилъ послѣднія свои капли крови. Платонъ говоритъ (de Legg. I. X.), что у Грековъ и другихъ народовъ было обыкновеніе возноситься мыслями къ Богу при восхожденіи и захожденіи солнца, и молиться ему въ счастіи и несчастіи; самъ онъ въ своемъ сочиненіи о молитвѣ (Alcibiades II) учитъ, что хотя всякое добро посылается Богомъ, однако жъ мы должны молить его не о какомъ нибудь опредѣленномъ чувственномъ благѣ, но о мудрости и объ отвращеніи зла (*θεῦ βασιλεῦ τὰ δεινα καὶ ευχομένοις απαχλεζαν κέλευε*). Также и Римляне молились богамъ при избраніи начальника, при введеніи новаго закона, при посвященіи публичныхъ зданій; они просили также благословенія плодамъ земнымъ, и для того учредили извѣстные праздники, какъ говоритъ *Овидій*, представившій прекрасный формуляръ этого языческаго благочестія (Fast Liber. I. fin). Болѣе примѣчателенъ знаменитый гимнъ стоика *Клеанта*; всѣ сочлены стоической секты признавали глупостію просить у боговъ того, чего и у друга, если онъ благороденъ, просить стыдно (Seneca de benefic. lib. VI); они просили у боговъ одного только повиновенія судьбѣ своей (Epicteti, Enchiridion c. 52). «Если кто молитъ боговъ объ удовлетвореніи своихъ чувственныхъ поже-

маній, говоритъ *Антонинъ*, то ты проси о томъ, чтобы не овладѣвали тобою пожеланія; если кто желаетъ освободиться отъ страданій, то ты проси у Бога силы душевной для перенесенія несчастій; если кто молится, чтобы смерть не похитила у него любимаго его сына, то ты желай себѣ твердости не бояться этой потери.» Довольно правильно *Ямблихъ* понимаетъ духъ молитвы, когда замѣчаетъ, что «Она возбуждаетъ въ насъ божественное свойство и приближаетъ насъ къ Богу, для того, чтобы отъ него мы могли пріобрѣсти твердость и совершенство (*τὸ θεῶν ἐν ἡμῖν καὶ νοητον καὶ ἕν εἰγείρεται ἐν ταῖς ἕυχαις καὶ συναπτεται προς αυτοτει εωτητα*. De misteriis Aegyptiorum. Sect. I. c. 15).

Подъ молитвою мы разумѣемъ *благоговѣйное возношеніе духа къ Богу вездѣсущему, и милосердому подателю всего намъ нужнаго.* Такъ какъ многіе изъ молящихся прибѣгаютъ къ помощи Божіей, не имѣя правильнаго понятія о Богѣ и его міроправленіи, то и молитва ихъ часто остается безъ всякаго дѣйствія. Напротивъ молитва, достойная Творца и разумной его твари, не только пріемлется небеснымъ отцемъ нашимъ и дастъ намъ средство бесѣдовать съ нимъ; но сверхъ того имѣетъ вліяніе и на улучшеніе внѣшней судьбы нашей, что ясно подтверждается опытомъ и исторіею.

Молитва, по ученію древнихъ и новыхъ правоучителей, (Пикъ де Мирандоль in expositione oral. Domin. Opp. Basil, 1601, tom I. 225. *Клав-*

дій Allgemeine Religion. Leipzig, 1808, s. 354 ff.), *есть изъявленіе нашего желанія предъ Богомъ съ благочестивыми чувствованіями.* Безъ сомнѣнія, каждой молитвѣ принадлежитъ: 1) *Благочестіе,* или благоговѣйное расположеніе духа, способствующее человѣку возноситься къ Богу. Не довольно мыслить о Богѣ, или предаваться богословскимъ умозрѣніямъ; ибо это могутъ дѣлать и равнодушные къ религіи деисты и холодные догматики, которые не изливаютъ своихъ чувствованій въ молитвѣ, хотя и имѣютъ идею о Богѣ. Благочестіе состоитъ не въ одномъ размышленіи: оно соединяетъ съ представленіемъ Божескаго величія чувство благоговѣнія, кротости, любви и благодарности къ Богу; умъ самъ по себѣ не можетъ быть благочестивымъ, если въ его размышленіяхъ не будетъ участвовать сердце. Посему *Фенелонъ* называетъ благочестіе страдательною молитвою, а *Кантъ,* расположеніемъ духа къ чувствованіямъ и желаніямъ угоднымъ Богу. 2) Это благочестіе *должно содѣйствовать возвышенію души.* Созерцаніе природы, или слушаніе назидательнаго поученія, приводитъ духъ только въ страдательное или отрицательное религіозное состояніе, которое состоитъ въ устраненіи легкомыслія, подавленіи невѣрія и мірской разсѣянности. Но молитва напротивъ есть нѣчто дѣйствительное (activum): она есть выраженіе благочестивыхъ чувствованій, есть самодѣятельность духа, устремленіе и воспареніе его къ Богу, или посредствомъ внутренняго возношенія къ нему нашихъ чувствова-

ній, или посредствомъ изліянія ихъ въ словахъ и знакахъ; съ нею неразлучно соединены сознаніе нашей слабости, и исполненное надежды желаніе достигнуть лучшаго состоянія въ вѣчности. На этомъ основаніи многіе правоучители назвали молитву разглагольствованіемъ съ Богомъ, или обращеніемъ съ Богомъ: ибо кто молится, тотъ необходимо бываетъ проникнутъ глубокимъ чувствомъ зависимости отъ Бога, и въ молитвѣ выражаетъ предъ нимъ эту зависимость. Легкомысленное и суемудрое невѣріе, или философская гордость, приличная стопку, желающему быть столько же свободнымъ какъ самъ Богъ, подавляютъ въ самомъ началѣ всякое желаніе молиться. 3) Молитва, какъ выраженіе благочестія, *всегда соединена съ представленіемъ вездѣсущія Божія.* Недовольно представлять себѣ Бога только какъ идею, какъ отвлеченное понятіе, какъ вѣчный порядокъ міра; молитва сверхъ сего требуетъ полной вѣры въ самостоятельную *личность* Божества; молящійся, *въ благочестивомъ расположеніи внутренняго чувства, погружается въ духовное созерцаніе Божества и дѣлаетъ это посредствомъ воображаемаго образа, составленнаго имъ согласно съ степенью своего образованія и всего своего сознанія.* Безъ сомнѣнія этотъ образъ идеи о Богѣ, только подлежательно находится въ душѣ молящагося, и измѣняется по состоянію духа, однако жъ отъ него зависитъ возношеніе нашего сердца къ Богу, или благочестивое сердечное движеніе (affect), кото-

рое неотдѣлимо отъ истинной молитвы, и никогда не можетъ родиться отъ одного только размышленія (Грейлинга: Theophronion, oder über die symbolischen Anschauungen Gottes. Halle, 1808, s. 165 ff.) Наконецъ 4) *въ молитвѣ мы представляемъ Бога милосердымъ подателемъ всѣхъ благъ, для насъ нужныхъ.* Молящійся ясно представляетъ себѣ всемогущество, мудрость, любовь, благость и милосердіе Божіе; въ Богѣ онъ видитъ болѣе отца, нежели строгаго судію; съ полнымъ чувствомъ надежды онъ возноситъ мольбы къ Высочайшему своему благодѣтелю. Люди, не молившіеся нѣсколько лѣтъ, смиренно возносятъ руки къ небу, если они, въ часы опасности, отъ одного только Бога могутъ ожидать помощи. Это доказываетъ наше естественное стремленіе искать высшей помощи, какъ скоро мы чувствуемъ совершенное ничтожество нашихъ собственныхъ силъ. Содержаніе и форма молитвы, если они не предписаны, необходимо зависятъ отъ образованія самого молящагося; тогда *суевѣрный* молится совсѣмъ иначе, нежели *простой необразованный человѣкъ*, а этотъ иначе, нежели *просвѣщенный любитель христіанскаго благочестія.* Суевѣрный всегда ожидаетъ только чудесъ, и хочетъ вынудить у Верховнаго Существа исполненіе даже такихъ желаній, которыя противны нравственнымъ законамъ міра и общему порядку природы; онъ проситъ напримѣръ: богатства безъ труда, добродѣтели безъ борьбы и самообладанія. *Простой, необразованный человѣкъ* считаетъ Бога

только благодѣтельнымъ хранителемъ его дома и всего имѣнія; чистосердечно исчисляетъ онъ предъ Создателемъ самыя сокровенныя свои желанія, и безусловно проситъ объ исполненіи ихъ. Такая молитва показываетъ, что человѣкъ не стремится къ высшимъ благамъ, но считаетъ благочестіе средствомъ къ своему чувственному благосостоянію. (Мейперса Kritische Geschichte der Religion II, 235 ff.) Впрочемъ, это примѣчаніе съ величайшею осторожностію должно быть примѣняемо къ дѣйствительной жизни: ибо даже и самая дѣтская, происходящая изъ чувственныхъ побужденій, молитва, есть приготовленіе къ молитвѣ лучшей, приличной разумному человѣку. Притомъ же отъ простаго сына природы, нельзя ожидать стремленія къ высшимъ духовнымъ благамъ, ибо его умъ и сердце еще закрыты для небеснаго; даже и такая молитва, которая имѣетъ основаніемъ своимъ чувственныя побужденія, поддерживаетъ чувство зависимости отъ Верховнаго Существа, умѣряетъ силу чувственныхъ пожеланій въ достиженіи земныхъ цѣлей, и тѣмъ приготовляетъ путь къ цѣлямъ благороднымъ и возвышеннымъ. Наконецъ *мудрый*, *истинно благочестивый* проситъ Бога, чтобы онъ уничтожилъ въ душѣ его безпрерывно возобновляющееся стремленіе къ чувственнымъ благамъ; чтобы духъ его почувствовалъ непреоборимое стремленіе къ высшимъ духовнымъ благамъ; чтобы всѣ чувственныя пожеланія сердца, постоянно находились въ надлежа-

щихъ границахъ: онъ проситъ душевнаго спокойствія, преданности волѣ Божіей, силы и твердости духа. *Молитва за другихъ* (Fürbitte) есть выраженное предъ Богомъ благочестивое желаніе счастія ближнему. Христіанское ученіе особенно отличается предписаніемъ молитвы не только за благодѣтелей, каковы суть родители и начальники, но и за враговъ. (Матѳ. V. 45).

Важность молитвы зависитъ отъ ея вліянія на нашъ духъ и нашу судьбу. Возраженія противъ дѣйствительности молитвы, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія ни въ понятіи о существѣ Божіемъ, ни въ нравственномъ порядкѣ міра. Исполненіе желанія, выраженнаго въ молитвѣ, не противорѣчитъ сущности Божества; ибо если Богъ можетъ отъ вѣчности предназначить кому либо счастіе, предвидя, что онъ будетъ благочестивымъ и добродѣтельнымъ, то онъ можетъ отъ вѣчности назначить исполненіе опредѣленнаго желанія. Исполненіе желаній молящагося еще менѣе противорѣчитъ нравственному порядку міра, ибо по нравственному порядку міра добродѣтель есть условіе счастія; а какъ молитва есть исполненіе нашей обязанности и принадлежитъ къ числу внѣшнихъ добродѣтелей, упрочивающихъ достоинство человѣка, то слѣдуетъ, что Богъ, по своему правосудію, отвергая молитвы просящихъ злое, и не исполняя желаній тѣхъ, которые не молятся ему, внемлетъ молящимся съ чистымъ сердцемъ, твердою вѣрою и упованіемъ. Многіе легко здѣсь обманываются, а иные даже

дерзаютъ шутить надъ людьми, которые видятъ связь между молитвою и счастливымъ оборотомъ своей судьбы; однако жъ разумъ не представляетъ намъ основанія къ отверженію свободнаго дѣйствія Божія на міръ, подлежащій чувствамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ отверженію исполненія желаній, выраженныхъ въ молитвѣ, а Христіанская Вѣра положительно повелѣваетъ намъ молиться, и во имя Іисуса Христа просить отъ Отца Небеснаго всѣхъ благъ. Это, съ другой стороны, не даетъ намъ права думать, что всякая наша молитва непремѣнно должна быть услышана. Мы убѣдимся, что это ни какъ не возможно, если помыслимъ о тѣхъ безумныхъ и противузаконныхъ желаніяхъ, которыя люди ежедневно имѣютъ и могутъ изъявлять предъ Богомъ. Слѣдственно мы тогда только можемъ надѣяться, что молитва наша будетъ услышана, когда просимъ *истинныхъ благъ и даровъ, способствующихъ истинному нашему совершенству.* Но истинныя блага суть только блага небесныя; все внѣшнее, пріятное или полезное есть только средство къ достиженію нравственныхъ цѣлей. Мы знаемъ, что самый остроумнѣйшій и проницательный человѣкъ не можетъ съ вѣрностію предсказать, будетъ ли извѣстное средство, напримѣръ богатство, честь, бракъ, способствовать его нравственному совершенству; бѣдность можетъ быть иногда полезнѣе богатства, униженіе лучше почестей, даже слабость и болѣзни тѣла могутъ иногда способствовать къ нравственному воспитанію

и облагороженію страдальца гораздо сильнѣе, нежели продолжительное и цвѣтущее здоровье, о которомъ онъ проситъ Бога съ жаркимъ усердіемъ. Посему-то истинный Христіанинъ не иначе молится какъ съ величайшею скромностію, совершенно предавая себя волѣ Божіей.

Что касается до *дѣйствія* молитвы *на насъ самихъ*, то 1-е, *она освобождаетъ умъ отъ владычества чувственныхъ обольщеній*, возвышаетъ его за предѣлы конечнаго, и, раждая живое представленіе о высочайшемъ Божіемъ совершенствѣ, дѣлаетъ яснѣе нашъ взглядъ на предметы. Эта одна причина была бы достаточна для того, чтобы побудить человѣка къ молитвѣ; ибо истина есть необходимая потребность каждаго. Всѣ мыслители и ученые, многихъ избѣжали бы погрѣшностей и парадоксовъ въ области наукъ, были бы счастливѣе, если бы они посредствомъ благочестивой молитвы возносились на высшую точку зрѣнія, и тѣмъ проясняли свои идеи и приводили ихъ въ гармонію. 2-е, *молитва ослабляетъ владычество чувственныхъ наклонностей и мятежныхъ страстей*, не физически, какъ это дѣлаютъ посты и изнуреніе плоти, но нравственно, возбыщая свободу и самодѣятельность духа человѣческаго. Человѣкъ въ гнѣвѣ, въ сладострастіи, въ зависти, живо бывъ проникнутъ идеею Бога, тотчасъ почувствуетъ, что его страсть утихаетъ, воображеніе дѣлается спокойнѣе, и разумъ вступаетъ опять въ права свои. Для молодыхъ людей молитва, какъ средство, предохраняющее

отъ чувственныхъ обольщеній, имѣетъ величайшую важность и силу. По этой же самой причинѣ молитва 3-е, *укрѣпляетъ волю на все доброе.* Безъ сомнѣнія, многіе люди точнѣе и прилѣжнѣе исполняли бы свои обязанности, если бы не отказывались отъ молитвы, съ пренебреженіемъ которой часто исчезаетъ порядокъ и трудолюбіе въ цѣломъ семействѣ. *Молитва* 4 с, *доставляетъ сердцу страдальца покой, надежду и утѣшеніе.* Самая высшая мудрость міра ведетъ насъ къ познанію печальной необходимости, существующей въ природѣ; напротивъ вѣра услаждаетъ скорбь безпокойнаго сердца; она возбуждается молитвою, и человѣкъ проникнутый ею, утѣшается мыслію, что онъ побѣдитъ всѣ мірскія страданія. Наконецъ *молитва есть* 5-е *источникъ чистѣйшихъ и высочайшихъ радостей.* Она озаряетъ духъ чистѣйшимъ свѣтомъ, приближаетъ его къ Богу, убѣждаетъ человѣка въ любви къ нему Творца, возбуждаетъ въ насъ чувство нравственнаго достоинства, даетъ надежду на высшее и лучшее бытіе въ вѣчности, миритъ насъ съ несчастіями и страданіями, и успокоиваетъ надеждою на лучшую и счастливѣйшую будущность. Счастливъ, кто молится съ радостію, и чья жизнь можетъ назваться одною продолжительною молитвою! Блаженство его недалеко, оно будетъ совершенно.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что всякій мыслящій и добрый человѣкъ *обязанъ* приносить молитву. Ибо она есть 1-е, *самое сильное средство*

къ образованію и возвышенію духа. Всѣ низшія способности нашей души образуются и укрѣпляются ихъ употребленіемъ; но для разума, высшей способности истиннаго и добраго, какъ собственной силы существа нашего, есть только одно средство, коимъ онъ нравственно оживляется и укрѣпляется, то есть мысль о Богѣ, отъ котораго мы происходимъ, къ которому возвращаемся, и который намъ всегда посылаетъ новый свѣтъ изъ горняго своего святилища. Если же мысль о Богѣ уже ясно находится въ нашемъ духѣ, то молитва должна доставить ему еще высшую и чистѣйшую ясность, ибо она тѣсно соединяетъ его съ Творцемъ. Кто не молится, тотъ не можетъ соединиться съ міромъ духовнымъ, и во всѣхъ своихъ мысляхъ и изслѣдованіяхъ, будетъ имѣть въ виду только имъ самимъ созданные идеалы, которые отклоняютъ насъ отъ истины, или примѣшиваютъ къ ней множество заблужденій. По этой причинѣ молитва есть: 2-е, *сильное средство къ возвышенію нашей добродѣтели.* Ибо истинная нравственность можетъ быть только тамъ, гдѣ есть постоянное направленіе воли къ высшему благу. Кто не молится, тотъ показываетъ, что онъ ищетъ цѣли своихъ желаній внѣ себя, и еще совершенно чуждъ жизни нравственной или духовной, или же имѣетъ предъ глазами ложный идеалъ добродѣтели, который никогда не можетъ доставить ему истиннаго счастія. При семъ должно замѣтить, 3-е, *что нѣтъ ни одного человѣка, который бы, обладая всѣми*

совершенствами, не имѣлъ нужды въ молитвѣ. Даже самая чистѣйшая ревность къ добродѣтели, постоянно бываетъ нарушаема чувственностію; съ успѣхами въ добрѣ, возрастаютъ искушенія къ злу; самолюбіе и никогда непсчезающая любовь къ міру, раждаютъ въ немъ противузаконныя желанія и стремленія. Посему благороднѣйшіе и добрѣйшіе люди всегда любили молитву, получали отъ нея новую силу, твердость, постоянство воли и характера, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали то, чего желало ихъ сердце. Добродѣтели первыхъ Христіанъ удивляли самихъ Іудеевъ и язычниковъ; а всѣ онѣ происходили отъ живаго, благочестиваго чувства, которое само раждалось отъ молитвы и благоговѣйной любви къ Богу. Изъ свойствъ молитвы, 1-е, *обдуманность и внимательность* занимаютъ первое мѣсто. Кто, молясь, не сосредоточиваетъ мыслей своихъ и не погружается въ глубину самого себя, тотъ не знаетъ чего хочетъ, и не понимаетъ къ кому обращается. Безчувственная, состоящая въ однихъ словахъ молитва, конечно недостойна услышанія, и, въ строгомъ смыслѣ не можетъ даже назваться молитвою; молящійся долженъ поклоняться Творцу духомъ и истиною. 2-е, Молитва должна быть соединена *съ благоразумнымъ, чистосердечнымъ упованіемъ.* Мы должны убѣдиться, что Богъ пошлетъ намъ все, чего мы спросимъ, если только исполненіе нашей просьбы будетъ намъ во благо; но эта увѣренность должна быть благоразумна, и мы ничего не дол-

жны ожидать отъ Бога, такого, что противно его святымъ законамъ. При всей торжественности, молитва должна совершаться *скромно*, съ благоговѣніемъ и преданностію волѣ Божіей. Молитва должна быть совершаема *часто и неослабно*. Ибо какъ благочестиво молящійся каждый разъ дѣлается лучше, и ближе къ цѣли своихъ желаній, такъ неизбѣжно начинаетъ погружаться въ грубую чувственность, дѣлается холоднымъ и равнодушнымъ къ добру тотъ, кто въ гордой самонадѣянности прерываетъ общеніе съ Богомъ, и предается чуждому руководству. Безъ сомнѣнія многіе, кружась въ вихрѣ заботъ, не столь часто забывали бы свои обязанности, если бы въ то же время не уклонялись отъ молитвы, ограничивающей чувственныя склонности и желанія. И самое *время молитвы* не должно быть совершенно произвольно; грубый, чувственный человѣкъ можетъ пріучаться ко внутренней молитвѣ сердца, только посредствомъ опредѣленнаго порядка въ его благочестивыхъ занятіяхъ. Безъ сего порядка, опредѣленнаго частно въ домахъ, или публично въ обществѣ, многіе люди семейства очень мало, или даже и совсѣмъ бы не молились; если глава семейства перестанетъ молиться, то дѣти и домашніе непременно предадутся легкомысленному равнодушію къ благочестію. Но съ другой стороны нельзя отвергать, что этотъ механическій порядокъ свободнаго возношенія мыслей къ Богу легко можетъ превратиться въ соблюденіе одной внѣшности. *Къ мо-*

литвѣ должно приступать по влеченію сердца. Въ часы пробужденія, когда самосознаніе и дѣятельная жизнь наша начинаются; предъ принятіемъ *пищи*, которую посылаетъ намъ Богъ для поддержанія бреннаго бытія нашего; *ввечеру*, когда мы бросаемъ взглядъ на рядъ случившихся въ продолженіе дня чувствованій, занятій, дѣйствій и случаевъ; *въ минуты* искушенія, страданій, радости — во всѣхъ этихъ случаяхъ должно раждаться въ сердцѣ чистѣйшее чувство благодарности и возноситься къ Богу, какъ жертва благоговѣнія, признательности преданности, и упованія.

§ 12.

О довольствѣ дарами Божіими, о надеждѣ на Бога.

Съ любовію къ Богу соединено *довольство* дарами Божіими и *надежда* на Бога. *Довольство* состоитъ въ спокойствіи души, происходящемъ изъ убѣжденія, что Богъ посылаетъ намъ одно добро; *а надежду* на Бога мы питаемъ тогда, когда вѣримъ, что все, встрѣчающееся въ судьбѣ нашей, окончится мудро и наилучшимъ образомъ. Сіи добродѣтели ясно поддерживаютъ въ душѣ нашей невинное наслажденіе жизнію, дѣлая насъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способными къ исполненію своихъ обязанностей.

Подъ довольствомъ дарами Божіими мы разумѣемъ то состояніе, въ которомъ человѣкъ безропотно предается судьбѣ своей, считая ее мудро

и благодѣтельно устроенною самимъ Богомъ. Здѣсь не требуется 1-е, чтобы мы *чувствовали радость, подвергаясь страданіямъ и непріятностямъ.* Ибо это противорѣчитъ нашей тѣлесной природѣ, и физически невозможно при первной раздражимости нашего тѣла. Но мы должны 2-е, убѣдиться, что *всякое зло* не есть ни произвольное, не заслуженное нами, или враждебное дѣло свыше, ни дѣло случая. Мы не можемъ еще назваться невинными предъ Богомъ, если только невинны предъ людьми, особливо предъ самими собою; да хотя бы мы и были невинны, то наши страданія не всегда посылаются въ наказаніе за сдѣланные нами поступки, но часто и за то, что мы не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ быть должны. Посему мы должны 3-е, безпрестанно смотрѣть на всѣ встрѣчающіяся намъ непріятности. Ибо мы можемъ быть увѣрены, что всѣ наши страданія послужатъ къ нашему нравственному облагороженію и скоро замѣнятся радостію и удовольствіемъ. И такъ довольство дарами Божіими обнаруживается троякимъ образомъ: благодарностію и *умѣренностію* въ изобиліи; *ограниченіемъ* желаній при маломъ достаткѣ; *терпѣніемъ* въ страданіяхъ. Эта добродѣтель должа быть для насъ закономъ. Она во-первыхъ есть доказательство *прекраснаго состоянія духа и благоразумія,* ибо постоянный ропотъ, вздохи и стоны, не только доказываютъ слабость духа, но отнимаютъ и послѣднія силы, ни мало не способствуя къ облегченію страданій и спокойствію человѣка. Во-

вторыхъ она возбуждаетъ въ насъ и укрѣпляетъ живую вѣру въ Провидѣніе, внушая намъ, что всѣ несчастія посылаются сообразно нашимъ силамъ, и что уже напередъ пріуготовлено близкое ихъ окончаніе. Она всегда доказываетъ *чистоту* и *постоянство нашей любви къ Богу*, и избавляетъ насъ отъ мучительнаго раскаянія, слѣдующаго всегда за ропотомъ и негодованіемъ на Правителя судебъ нашихъ. Она дѣлаетъ для насъ сугубо драгоцѣнными счастливыя перемѣны судьбы, и при смерти превращается въ радостную надежду на уготованное блаженство. Наконецъ, если говорить точнѣе, то несчастія жизни нельзя назвать *мученіями*: ихъ должно назвать *солью* нашего нравственнаго бытія; ибо они способствуютъ развитію и возрастанію нравственныхъ совершенствъ, и нашу добродѣтель возносятъ на высшую степень. *Количество ихъ не такъ велико*, какъ думаютъ противники и враги Провидѣнія: ибо счастіе и благосостояніе составляютъ законъ природы, а несчастіе и бѣдствіе суть только исключеніе изъ общаго правила, уклоненіе отъ закона. Богъ *никому не посылаетъ* несчастій, которыя бы превышали силы человѣка, и опытъ всѣхъ временъ свидѣтельствуетъ, что гдѣ несчастіе достигаетъ высшей степени, тамъ бываетъ и средство къ его прекращенію. *Страхъ* и *отчаяніе* показываютъ только *слабую* и *невѣрующую* душу, которая по своей недальновидности, обращаетъ все свое вниманіе на одни первыя впечатлѣнія, причиняемыя несчастіемъ, и

упускаетъ изъ виду связь своей судьбы съ цѣлями цѣлаго міроздапія.

Въ заключеніе всего нужно еще замѣтить, что многія изъ нашихъ нуждъ относятся къ излишней роскоши и изысканности; потому удовлетвореніе ихъ ни мало не способствуетъ нашему истинному благу, но напротивъ часто бываетъ источникомъ бѣдствій и страданій. Склонность къ роптанію есть мрачный порокъ, который только увеличиваетъ наши страданія, лишаетъ насъ возможности преодолѣвать несчастія, и устранять всѣ препятствія помрачающія наше счастіе. Страждущій ипохондрикъ, угрюмымъ расположеніемъ духа, увеличиваетъ число терзающихъ и ослабляющихъ его болѣзненныхъ припадковъ. Наконецъ примѣръ многихъ людей, находившихся въ самыхъ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, можетъ оживлять насъ и одобрять къ перенесенію несчастій.

Съ довольствіемъ дарами Божіими тѣсно соединена *надежда* на Бога, или твердая увѣренность, что все, имѣющее впредь случиться съ нами, будетъ служить къ нашему благу. Если мы подведемъ это понятіе подъ условія времени, то можемъ сказать, что надежда на Бога есть довольство прошедшимъ, покорная преданность настоящему и спокойное ожиданіе будущаго. По своей сущности эта добродѣтель имѣетъ слѣдующія свойства: 1-е, она должна быть сопровождаема *сердечнымъ участіемъ во всемъ, что съ нами случается;* это направленіе духа не имѣетъ еще ни эстетическаго, ни нравственнаго достоин-

ства, и посему замѣтно даже у людей грубыхъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ. 2-е, надежда на Бога *предполагаетъ правильное понятіе о Провидѣніи* и нравственномъ порядкѣ міра, въ которомъ истина, право и добродѣтель суть необходимыя условія довольствія и счастья. 3-е, надежда на Бога раждаетъ *увѣренность* въ томъ, что все случающееся съ нами, и именно самое несчастіе будетъ имѣть спасительный для насъ конецъ. Эта увѣренность должна простираться на всѣ случаи; ибо вездѣ являются сила и мудрость Божія, какъ главное начало всего существующаго. Она должна быть *благоразумною* и сообразною съ божественными законами міроправленія; посему никто не долженъ надѣяться отъ Бога такой помощи, которая противорѣчитъ его святой волѣ. Къ сожалѣнію очень часто люди съ предразсудками питаютъ въ себѣ ложныя надежды, и дѣйствіемъ мечтательной увѣренности хотятъ получить то, чего они должны достигать трудомъ, либо вовсе ожидать не должны. Наконецъ надежда должна быть *твердою* и *постоянною*: ибо въ счастіи легко оставаться довольнымъ дарами Божіими; но только въ несчастіи надежда на Бога, является во всей ея чистотѣ и во всемъ блескѣ, особенно когда человѣкъ ни гдѣ не находитъ для себя прибѣжища и утѣшенія. Правда, и у нравственныхъ людей иногда бываютъ минуты сомнѣнія; но онѣ скоро исчезаютъ изъ благородной, чистой души, и замѣняются непоколебимою твердостію духа.

Что всякій *обязанъ* надѣяться на Бога, это

слѣдуетъ ужасъ изъ понятія самой религіи, которая представляетъ намъ Бога, мудро и благодѣтельно устрояющимъ нашу судьбу; это явствуетъ изъ *необходимости* начертать *благоразумный планъ жизни*, который будетъ возможенъ только тогда, когда мы будемъ надѣяться, что постоянство въ добродѣтели поведетъ насъ къ наградѣ и блаженству. Необходимость надежды на Бога доказывается также нашею *заботливостію о спокойствіи*, которое основывается на одной надеждѣ и *многочисленными опытами*, изъ которыхъ можно видѣть, что надежда на Бога никогда не служила во вредъ.

Посему если мы хотимъ оживить и усилить надежду въ нашемъ сердцѣ, то должны сначала объяснить себѣ, чего мы можемъ ожидать отъ Бога сообразно съ цѣлями его міроправленія; потомъ укрѣплять нашу надежду чистотою сердца и молитвою; видѣть изображеніе нашей собственной судьбы въ чудесномъ спасеніи добрыхъ и благочестивыхъ людей отъ угрожавшихъ бѣдствій; приводить на память уже испытанную нами помощь Божію, малодушіе и недовѣрчивость считать слѣдствіемъ ограниченности, качествомъ порочнаго сердца, и твердо помнить, что наша настоящая надежда есть пріуготовленіе къ той святой вѣрѣ, которая должна увѣнчать нашу добродѣтель. Только порочная совѣсть лишена твердости и надежды.

Конецъ.

2007113224